

Возникновение научных представлений об общности русского народа: вопросы исторической топонимии и этнонимии (последняя треть XVIII — первая половина XIX в.)

Концепция «триединого русского народа» изучается в течение нескольких столетий. Историография ее происхождения и формирования проходила разные стадии, всегда находясь в центре полемики — о политике и об идеологии, о государственных историях и о границах этничности, о специфике «русского пути», о русофобии, о сути разногласий между славянофилами и западниками. Попадая в центр не только научных, но и общественных обсуждений, эта концепция обростала несколькими «слоями» разнородных и зачастую совершенно не связанных между собой трактовок и заключений. Обращаясь к истории концептуализации понятия «триединого народа» в XIX в., мы ограничиваем исследование только научным дискурсом.

Следует подчеркнуть, что первое упоминание представлений о единстве трех «русских племен» (позже получивших наименование восточнославянских этносов) восходит к более раннему периоду. Эволюция их трактовки отражена в чрезвычайно богатой историографии на различных европейских языках, но находится вне сферы нашего рассмотрения. В конце XVIII — начале XIX в. данный вопрос явно не представлялся остроактуальным для исторических исследований, так как в центре внимания нахо-

дилась проблема более масштабная — этногенез руссов / славяно-руссов в связи с началом государственности, что было обусловлено необходимостью осмысления прошлого Российской империи с точки зрения ее историко-политического и этнокультурного наследия и преемственности. Начальным этапом нового периода обращения интеллектуалов и политиков к происхождению «народа русского» и этногенетическим его связям и взаимодействиям можно считать последнюю треть XVIII в. Именно к этому времени относятся полемика вокруг идей норманизма, обсуждение истоков русской государственности в связи с политическим наследием Киевской Руси и попытки установить непрерывную преемственность с Рюриковой, новгородской, линией правления. Важным стимулом стали и разделы Речи Посполитой, которые, включив в состав Российской империи «исконно русские земли», нуждались в мощной исторической аргументации. Это стало одним из побудительных мотивов обращения к территориально-политической истории Великой, Малой и Белой Руси (России) — с точки зрения прошлого русского народа и своеобразия его составных частей. Таким образом, в центре рассуждений о трех «племенах» русского народа всегда находились два аспекта: пространственный и этнографический (включающий антропологический, лингвистический и этнокультурный критерии).

Трактовка этничности и установление этнической принадлежности в XVIII–XIX вв. не совпадают с современными методами научной идентификации, и в каждом случае само определение следует расценивать как индивидуальную точку зрения автора. Изучение эволюции топонимов трех восточнославянских народов возможно осуществить только в поле междисциплинарного исследования — т. е. обращаясь к методам этнолингвистики, истории этнографии, языка, этнопсихологии и др. Интерпретация этнических номинаций в период складывания национального самосознания и национальной идеологии — всегда процесс субъективно-оценочный и манипулятивный. «Зафиксированные в письменных памятниках имена

народов, — как точно подчеркивает современный этнолог С.В. Соколовский, — один из самых сильных аргументов в пользу “надвременного” характера этничности, ее неустрашимости из картины мира любых исторических эпох ... Соотнесение имени с телом, пребывающим в мире, позволяет ... совершать операции со своими объектами исследования — этносами... Этноним маскирует более существенную нетождественность соотносимых с ним в разные исторические эпохи референтов»¹. И в этом смысле нет и не может быть «верного» или «ошибочного» понимания этнонимов, есть только смена интерпретационных стратегий. Определение этнической принадлежности — как собственной, так и описываемого объекта — в имперский период происходило во многом произвольно, в опоре на имевшийся арсенал знаний и ожиданий, а самоопределение этнической группы не учитывалось (за исключением самоназвания и его объяснения / перевода).

Разбор этнонимии в контексте истории языка и научного тезауруса предпринимается сегодня в рамках того научного направления, которое оперирует методами современной лингвистики, — это, в частности, так называемая «история понятий»². Особенно результативными представляются попытки воссоздать имперский политический лексикон через эволюцию значений его ключевых концептов³. Так, в сборнике «Понятия о России» была опубликована одна из важнейших с точки зрения методики реконструкции этнонимов «малоросс» / «украинец» и топонимов «Малороссия» / «Украина» коллективная статья «Малоросс»⁴.

¹ Соколовский С.В. Этничность как память. Парадигмы этнологического знания // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. М., 1994. Вып. 1. С. 13–14.

² Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XIX вв. СПб., 2006.

³ Например, в: Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). М., 2010; реконструкция понятия «Малороссия» как концепта: Галь Б. Геоконцепт «Малоросія» на ментальных мапах XVIII — первой половины XIX ст. // Ейдос. 2013. № 7. С. 93–109.

⁴ Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И. Малоросс // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. В 2-х т. М., 2012. Т. II. С. 392–443.

Следует подчеркнуть, что авторы рассматривают данный этноним именно в системном разборе исторической семантики *понятий* имперского периода русской культуры. Поэтому во введении к статье подчеркивается необходимость разделять содержание этого ряда наименований в соответствии с границами различных дискурсов. Исследователи избрали для анализа «внутренний» дискурс («в той среде, которая идентифицирует и репрезентирует себя с помощью понятия *малоросс*») и несколько «внешних» («о *малороссах* извне»): великорусский (высказывания тех, которые «идентифицировали себя как великорусов»), украинский и польский⁵. Такое методологически корректное разграничение полей, основанное на этнической самоидентификации (когда критерием выступает этнокультурное самоопределение или отношение к украинскому проекту — то есть не языковой дискурс), на первый взгляд убедительно.

Применительно к истории XIX в. мы сталкиваемся со сложной проблемой понимания этнической идентификации. Во-первых, индивидуальное самоопределение и саморепрезентация опираются на идентификационную иерархию различных уровней или типов, которые актуализируются ситуативно. Во-вторых, в полиэтнической Империи этническая идентичность человека может по-разному трактоваться или меняться в течение жизни⁶. Наконец, в-третьих, если

⁵ Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И. Малоросс // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. Т. II. С. 392.

⁶ Современный исследователь П.С. Куприянов, рассматривая описания народов в текстах путешествий начала XIX в., убедительно показал, что «универсальной, разделяемой всеми концепции этноса» не существовало, но наиболее распространенными оказались две модели — условно обозначаемые им как «этническая» и «географическая», отличающиеся различной трактовкой понятия «народ». Первая определяла его как племенную общность, вторая — как территориальную, и, следовательно, «методы» их обнаружения кардинально различались. «Географическая модель» репрезентации этноса явно превалировала в европейских научных народоописаниях и более ранней эпохи — конца XVIII в., поскольку именно пространственный критерий обуславливал предмет и методы описания (Куприянов П.С. Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 2. С. 34–35). Применительно к нашему предмету исследования это означает, что в Великороссии и Малороссии было естественно «обнаруживать» великороссов

даже брать в качестве критерия только внешнюю идентификацию (например, определить признаковое или иное поле великорусской и малорусской принадлежности) либо, наоборот, только индивидуальную, её часто почти невозможно верифицировать с высокой степенью точности.

В нормативных дефинициях второй половины XX в. наименование великороссы / великорусы в современном языке, в том числе в научном тезаурусе исторической и этнографической дисциплин, принято объяснять как устаревшее название русских, бытовавшее в литературном языке и официальном дискурсе XIX — начала XX в.⁷ Согласно такому пониманию, этноним «русские», начиная с XX в., не столько синоним «великорусов», сколько простая лексическая замена (в том же ключе часто описывается

и малороссов как различающиеся определенным набором особенностей племена, или «отрасли» русского народа.

⁷ Как «название русских» в XIX — начале XX в. или «устаревшее» название русских или «великорусы (великороссы) — то же, что русские», — объясняется в толковых словарях русского языка (Великорусы // Большой толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2004. С. 89; Великорусы // Словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М., 1999. Великорусы // *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. Под общей ред. Л.И. Скворцова. М., 2005. С. 71), в энциклопедиях (Великорусы // Большая советская энциклопедия. В 30-ти т. 3-е изд. М., 1969–1978. Т. 4. М., 1971. С. 455; Великорусы // Советская историческая энциклопедия. В 16-ти т. М., 1963–1976. Т. 3. М., 1963. С. 256; Великорусы // Российский энциклопедический словарь. В 2-х кн. М., 2001. Кн. 1. С. 240). В советской этнографической литературе понятие «великорусы» не разъяснялось специально, т. е. как этноним, но использовалось в качестве синонима, будучи помещенным в скобки: «русский (великорусский) этнос» или русские (великорусы). См. например: *Токарев С.А.* Восточно-славянские народы (русские, украинцы, белорусы) // *Токарев С.А.* Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М., 1958. С. 15–103. В энциклопедии «Народы России» понятие «великорусы» никак не объясняется и используется только в очерке о диалектах (Русские // Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 270–307), а в первом издании тома о русских из серии «Народы мира», подготовленном Институтом этнографии РАН, также применено «по умолчанию» как синоним: русские (великорусы) / русские (великорусские) — см.: Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М., 1999. Нет определений понятий «русские» и «великорусы» в обобщающем труде о русском этносе под ред. В.А. Тишкова и И.В. Власовой (Русские. История и этнография. М., 2008). Это также свидетельствует о том, что для подавляющего числа советских и российских авторов данные категории воспринимаются как очевидные и не требующие специальных разъяснений.

изменение названия «малорусы» на «украинцы»); в зависимости от идеологической трактовки утверждается, что замена эта либо зафиксировала этап процесса национальной самоидентификации, либо явилась результатом «естественной» трансформации понятия, в том числе в узкоязыковой сфере, а вовсе не обязательно в области этнонационального сознания. В словарных статьях и в этнографических очерках о русских указывается также, что «русскими» в XIX в. называли восточных славян («русских, украинцев, белорусов» или «великорусов, малорусов и белорусов») в совокупности⁸. В какой мере применение термина «этноним» корректно для названия, изначально созданного и использовавшегося исключительно в книжном языке? Можно ли говорить о ряде понятий «великорусы», «малорусы» и «белорусы» как этнонимическом? Ведь в период их активного бытования в XIX в. (в отсутствие термина «этнос») в представлениях одной части интеллектуальной элиты все они соотносились лишь с одним племенем (в значении «этнос») — «русскими», именуясь его «отраслями», «ветвями», «оттенками», «поколениями» и т. д., тогда как другая часть рассматривала их как три самостоятельные «народности» (в разных значениях слова) общего происхождения и одной языковой группы.

В Российской империи с конца XVIII в., и особенно интенсивно — начиная с 1820-х гг., после Отечественной войны 1812 г., шел процесс формирования новых представлений о русской идентичности / русскости⁹ в двух аспектах: как русской этничности / народности (ограничиваемой, однако, социальными низами общества) и как русской нации / национальности. Причем во втором случае наблюдалось стремление если не нивелировать резкие социальные, религиозные, этнокультурные, исторические, цивилизационные и иные различия внутри государства,

---

⁸ Тишков В.А. О русских (Введение к новому изданию коллективного труда «Русские» в серии «Народы и культуры») // Вестник российской нации. 2014. № 6. С. 30–46.

⁹ Здесь и далее слово «русскость» пишется без кавычек.

то, по крайней мере, сформулировать гипотезу, объясняющую и легитимирующую принцип сосуществования геополитических исторических единиц, «земель», окраин с разнородным населением под единым скипетром и под цементирующим влиянием государствообразующего ядра, которым «назначались» то русские в целом, то исключительно великорусы.

Многозначность в языке XIX–XX вв. слов «русский народ» и «русские племена» затрудняет обращение к данному проблемному полю. В первой четверти XIX в. само определение «русский» не только относилось к языку и триединому народу-этносу, но использовалось также для именованя всех подданных Российской империи. В литературном языке эпохи русскими могли называть жителей только центральных регионов России, соотносимых с землями Московского государства, — то есть великорусов. В научном же лексиконе определение «русский» чаще всего применялось именно при определении «народа» — как совокупное название великорусов, малорусов и белорусов. Так, один из исследователей категории «русский» (на примере контент-анализа текстов Д.И. Иловайского и сопряженных грамматических форм) констатирует: «Определить то, о какой общности (этнической или гражданской) идет речь, можно только из контекста предложения ... Очень часто “русские” — это подданные российского императора, население Руси / Российской империи, многоэтничной и многоконфессиональной по своей сущности... Категория “русский” ... обладает скорее надэтническим “содержанием”. Об этом свидетельствует анализ сопряженности категории со словами-понятиями в рамках словосочетаний: русскость ассоциируется, прежде всего, с государственно-политической и экономической, территориальной и культурной сферами общественной жизни»¹⁰. Одновременно в тех же текстах проявляется и этнический аспект содержания слова

¹⁰ Матвеев А.В. Русская идентичность в дореволюционном учебнике по истории Д.И. Иловайского // Этнографическое обозрение. 2011. № 2. С. 69.

«русский» — при использовании терминов «русский народ», «русское племя», «русская народность» или «русская нация», притом без предлагаемых дефиниций или комментариев по поводу этих единиц этнонациональной таксономии¹¹. Та же самая проблема встает в ходе семантической реконструкции содержания и при анализе использования в этногеографическом дискурсе XIX в. названий *Великая Россия / Великороссия, великороссийский / великорусский, великороссиянин / великоросс / великорус* и соответственно — *Малая Россия, Белая Россия / Малороссия, Белоруссия, малороссийский, малорусский, белорусский*, и, наконец, *малоросс / малорус, украинец, белорус*. Трактовка их происхождения имеет длительную историю и эволюцию. На начальном этапе, когда складывались представления о границах регионов в целом — Великой, Малой, Белой, Черной, Червонной Руси (России), — данное наименование использовалось в качестве термина, обозначающего население этих областей. На протяжении XVIII–XIX вв. оно подвергалось уточнению, его содержание варьировалось и дифференцировалось, будучи связано, во-первых, с формированием концепта русскости как выражения национального облика и характера русского народа (в его крестьянской, «простонародной», и внесловной — «имперской» ипостасях), а во-вторых, с поисками этнокультурного своеобразия каждого из трех «племен» («отраслей», «поколений») восточнославянского населения России. Согласно заключениям этнографов, термин «русский» в крестьянской среде долгое время носил «характер не столько этнический, сколько конфессиональный и был почти синонимом слова “православный”», с образованием Русского централизованного государства «этноним “русский” указывал и на этническую принадлежность основной массы населения страны»¹².

¹¹ Матвеев А.В. Русская идентичность в дореволюционном учебнике по истории Д.И. Иловайского // Этнографическое обозрение. С. 69–70.

¹² Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. 2-е изд. М., 2007. С. 488–491.

В конце XVIII — первой половине XIX в. исследователей гораздо больше занимал вопрос о землях, входивших в состав Великой, Малой, Белой, Червонной и Черной России. А в процессе формирования российской этнографической науки, начиная с середины XIX столетия, определился круг значений этнонимов и представлений, связанных с конкретными характеристиками этнокультурных общностей в составе «единого русского народа».

Изучая этнонимию восточнославянских народов, мы сталкиваемся со специфической лексикой — это топоэтнонимы или этнонимы «с топографическим значением основы». Они, как утверждают лингвисты, редко являются самоназваниями¹³ и потому либо могут навсегда остаться экзонимами (как произошло с наименованием «великороссь», «великорусь»), либо постепенно преобразуются в эндонимы (как случилось с определением «украинць»). Именно эта типологическая особенность данной этнонимии приводит к тому, что, изучая наименования народа, мы не можем игнорировать представления (существенно различавшиеся на разных исторических этапах) как о географическом, так и о ментальном пространстве Великой / Малой Руси // Великой / Малой России // Великороссии / Малороссии / Украины и Беларуси. Причем в случае с этим рядом лингвонимов мы анализируем имена, имеющие не только внешнее (данное извне), но и книжное происхождение, поскольку все три изначально были плодом труда интеллектуальной элиты, что неоднократно отмечалось в научной литературе (начиная с Н.И. Надеждина и до сего дня). Соответственно, изучая имена одной из «отраслей» русского народа в XVIII–XIX вв., мы в действительности реконструируем прежде всего представления этой элиты как о географическом, так и о ментальном пространстве Великой Руси / Великороссии и о ее жителях.

Вопрос о происхождении названий «Русь», «Руссия», «Россия» и произведенных от него этнонимов «россияне», «русские» неоднократно становился объектом внимания

¹³ Никонов В.А. Этнонимия // Этнонимы. М., 1970. С. 22.

исследователей-гуманитариев разных дисциплинарных специализаций. Можно констатировать, что, несмотря на обозримое множество версий, все же достигнуто некоторое согласование позиций (без учета политико-идеологических спекуляций последних лет, связанных с реинкарнацией концепции «Украины-Руси»). В энциклопедиях и словарях обычно указываются все появлявшиеся в истории вариации этимологии — как историко-географические, так и генеалогические, этнографические и многие другие. Нет смысла останавливаться на них специально. Более спорной остается трактовка появления и использования топонимов «Великая», «Малая», «Белая», «Черная и Красная» Русь / Россия и их привязка к карте. Очевидно, что они являются видовыми в отношении более крупной единицы — Руси / России и их полное исследование затруднено несколькими обстоятельствами: эволюцией как самих понятий, так и их объяснений, а также разницей трактовок в синхронии (этнокультурные традиции, исторические национальные школы и т. п.) и в диахронии (на разных этапах развития географических и этнографических знаний). Исследователи, обращавшиеся к вопросу использования данных понятий, достигли, однако, определенных успехов в реконструкции совокупности ряда лингвонимов, связанных с этими хорографическими единицами.

В советской историографии проблема этимологии данного ряда названий волновала исследователей меньше, поскольку они были сконцентрированы скорее на истории формирования единого централизованного государства. Историки и лингвисты занимались в основном вопросами происхождения и формирования трех восточнославянских братских народов-этносов и трех родственных языков (русского, украинского и белорусского)¹⁴. Впрочем, обращение

---

¹⁴ *Державин Н.С.* Происхождение русского народа (великорусского, украинского, белорусского). Л., 1944; *Насонов А.Я.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М., 1951; *Тихомиров М.Н.* О происхождении названия «Россия» // Вопросы истории. 1953. № 11. С. 93–96; *Мавродин В.* Образование единого русского государства. Л., 1951; Вопросы формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958; *Крестова Л.В.* Отражение формирования русской нации в русской литературе и публицистике первой

к данной проблеме видим в статье М.Н. Тихомирова и в книге Н.С. Державина¹⁵.

Отдельную, и, пожалуй, самую многочисленную, историографическую группу составляют современные исторические исследования, посвященные формированию понятия «Русь» / «Россия»¹⁶. Спектр представленных мнений широк, а некоторые заключения прямо противоречат друг другу, так как авторы прибегают к несходным видам источников или, в обобщающих работах, проводят анализ в рамках разных историографических традиций толкований и трактовок.

У истоков концепции «триединого русского народа»: россияне и русскость в научных трудах XVIII в.

В эпоху Просвещения тесная взаимосвязь человеческих сообществ с землей — «местообитанием» — стала важным критерием для определения своеобразия народа, заняв следующее по значимости место после языка. Иначе говоря, племя / народ «закреплялись» за определенной территорией, что, однако, очень затрудняло решение вопроса о родстве (языковом и племенном) и этногенезе. Современная исследовательница Е.Н. Вишленкова убеждена, что «в просвещенческом дискурсе обозначения “росс”, ... “великоросс”, “россиянин” не были этнонимами, а знаками подданства»¹⁷.

Наиболее последовательные попытки обнаружить и описать научными методами особенности русскости — в ее

половины XVIII в. // Вопросы формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958. С. 53–296; *Генсьорський А.І.* Термін «Русь» (та похідні) в Древній Русі і в період формування східнослов'янських народностей і націй // *Дослідження і матеріали з української мови.* Київ, 1962. Т. V. С. 16–30; *Брайчевский М.* Происхождение Руси. Киев, 1968; *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, и др.

¹⁵ *Тихомиров М.Н.* О происхождении названия «Россия»; *Державин Н.С.* Происхождение русского народа. С. 102–104; 119–128.

¹⁶ Освещение современной историографии по этой теме см.: *Лескинен М.В.* Великоросс / великорус. Очерки конструирования этничности. Век XIX. М., 2016. С. 24–38.

¹⁷ *Вишленкова Е.Н.* Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011. С. 314.

национально-государственном и этнографическом «воплощениях» — исследователи относят именно к XVIII в. К эпохе Просвещения восходит и осмысление образованной частью общества истории русского языка, проблемы соотношения антропологического, языкового и самобытно-культурного факторов формирующейся национальной общности и идентичности. Выработка и интерпретация понятий, связанных с этим процессом, осуществлялись на протяжении всего столетия, особенно интенсивно — в период правления Екатерины II. Тогдашних ученых, собирателей этнографических сведений, больше интересовали населявшие Империю нерусские племена и народы — их описанием были заняты многочисленные научные экспедиции. Разработка содержания терминов «Русь», «Россия» и «русский», «российский» в трудах историков XVIII в. имела не столько исторический, сколько идеологический характер. Она также служила важным аргументом в полемике между двумя концепциями происхождения русского племени (и, как следствие, российской государственности) — полиэтнической и моноэтнической¹⁸, одним из аспектов которой было обсуждение так называемой «норманской теории». Дискуссия между Г.Ф. Миллером и М.В. Ломоносовым о происхождении этнонимов «русь» и «русские» привела к разработке концепции появления «славяно-россов» на землях Московского государства — ядра будущей Империи — и оказала определяющее влияние на исторические и лингвистические изыскания XIX столетия, посвященные формированию русского этноса. Эти теории не ставили под сомнение преемственную связь «славяно-россов» с древними племенами, населявшими Европейскую Россию в период «начальной истории», однако до 1830-х гг. обсуждение велось без привлечения сведений о состоянии современных русских в этническом отношении. В конце XVIII в., по мне-

---

¹⁸ Погосян Е. Русь и Россия в исторических сочинениях 1730–1780 гг. // Россия / Russia. Вып. 3 (11). Культурные практики в идеологической перспективе. М., 1999. С. 7–19; Трубачев О.Н. Русский — российский. История, динамика, идеология двух атрибутов нации // Трубачев О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 2005. С. 225–236.

нию Е.А. Вишленковой, «концепт “русский” увязывался не с этнической группой, а с гетерогенным по своему происхождению крестьянством и мещанством центральных и северных губерний России. Для экспедиционных путешественников “русские”, в соответствии с доминирующими взглядами, — это остатки древних славянских и варяжских племен, разрозненные на огромной территории»¹⁹. Попытки определения русскости (как русской культурной специфичности и российской национально-государственной репрезентации) становятся особенностью этого периода истории науки. Русскость стремятся обнаружить в различных аспектах: от национально-идеологического и исторического до этнокультурного и психологического²⁰.

М.В. Ломоносов пользовался терминами «руссь», «россь», «россияне», но все земли, связанные с государственностью, начиная с древнерусского периода, предпочитал именовать Россией: «Подлинная Россия, которая в старину простиралась на запад от Днепра»²¹. Его больше занимал вопрос об этническом происхождении современных россиян («народа российского»), нежели проблемы исторической географии. Отождествление Ломоносовым древних племен роксоланов с современными «россиянами» стало одним из пунктов его полемики с Г.Ф. Миллером. Хоронимика Руси не слишком занимала Ломоносова. Термины «Малая Россия», «Украина», «малороссияне», «Великая Россия», «великороссийский», а также «Белая Россия», «белорусцы»²² Ломоносов употреблял главным образом при описании присоединившихся к государству («великороссийское ве-

¹⁹ Вишленкова Е.А. Визуальная антропология империи, или «увидеть русско-го дано не каждому». С. 39.

²⁰ Погосян Е. Русь и Россия; Трубачев О.Н. Русский — российский; Каменский А.Б. Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII в.: исследовательские проблемы. Препринт. М., 2007. С. 31–41; Мартин А. Изображение «русскости» в конце XVIII — начале XIX в. // *Ab Imperio*. 2003. № 3. С. 119–134.

²¹ Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского» // *Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. В 10-ти т. М.; Л., 1950–1959. Т. 6. М.; Л., 1952. С. 49.*

²² Там же. С. 36, 49.

ликое княжение» Василия Ивановича или «великороссийская держава» для обозначения более позднего периода, «великороссийские государи» и др.) областей и их населения²³ и чрезвычайно редко прибегал к производным от них регионам / этнонимам. «Российскими» именуется Ломоносов войска (в которых сражаются «россияне»), власть и т. д.²⁴. Он утверждает также, что первым государем, начавшим «писаться Царем и самодержцем Всероссийским», был именно Василий Иванович в «последние лета» своего царствования, после чего за государством закрепилось имя «Царства Всероссийского»²⁵. Упоминает Ломоносов и о Федоре Алексеевиче, утвердившем «приведение Киева и Малыя России под великороссийскую державу», которое происходило при его отце Алексее Михайловиче²⁶. «Белую Россию» Ломоносов помещал неподалеку от южных берегов Балтийского моря и «круга реки Руссы, где ныне старая Пруссия, Курляндия...»²⁷, да и самих пруссов представлял потомками «поруссов». Сами топонимы «Белая» и «Чермная Русь» он считал косвенным доказательством того, что корень «росс» или «русс» не может вести происхождение «от чухонцев», а следовательно, все три элемента «Руси» (Чермная, Белая и Варяжская) существовали еще до прихода варягов. Жителей Малороссии / Украины Ломоносов также именуется россиянами²⁸.

Можно утверждать, что воспринятое В.Н. Татищевым от иностранных авторов отождествление Белой России с Московским государством породило некоторые противоречия в интерпретации состава земель, входивших в Великую, Ма-

²³ Ломоносов М.В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. В 10-ти т. Т. 6. С. 174, 207.

²⁴ Например: Ломоносов М.В. Краткой российской летописец с родословием. СПб., 1760. С. 27–35.

²⁵ Там же. С. 29.

²⁶ Ломоносов М.В. Древняя российская история. С. 337.

²⁷ Ломоносов М.В. Краткой российской летописец. С. 6.

²⁸ Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию. С. 36.

лую и Белую Русь (Россию). Это нашло отражение в географических лексиконах и энциклопедиях второй половины XVIII в. В них выделение этих трех регионов осуществлялось в контексте пространственного членения Российской империи. В «Лексиконе» Ф. Полунина «Россией» именуется как вся страна-империя, состоящая из Европейской и Азиатской частей, так и «Россия или Русия, по-старинному Русь» в узком смысле, которая и «состоит» из «Великой, Малой, Белой, Чермной или Червонной»²⁹. Статья здесь написана Г.Ф. Миллером, который опирался на текст В.Н. Татищева из его «Лексикона». Так, Миллер повторяет утверждение Татищева, что данное разделение основано на «обычаях и наречиях народных», но указывает, что такое различие принято верховной властью, хотя состав земель и городов, входящих в их пределы, различался на разных исторических этапах³⁰. Иначе говоря, речь идет об этнических различиях и языковой неоднородности «отраслей» народа — эти признаки превалируют над геополитическими факторами. Миллер не сомневался, что «наименования» этих историко-географических областей возникают лишь в период формирования новых центров государственности уже после Киевского периода русской истории³¹. Исключением он считает Червенские города, известные со времен князя Владимира (и взявшие тогда себе имя) — по которым была названа Чермная, или Червонная, Россия (везде в тексте автор именуется регионы «Россией», а не «Русью»). Появление наименований «Великой, Белой и Малой» «Россий»

²⁹ Россия или Руссия // *Полунин Ф.А. Географический лексикон Российского государства, или Словарь, описующий ... по азбучному порядку..., из достопамятных известий собранный ... Федором Полуниным ... и с предисловием ... Герарда Фридриха Миллера. М., 1773. С. 276.*

³⁰ Там же.

³¹ В частности, об этом он упоминает и в своей интерпретации названия «Малая Россия». Ее земли он определяет как бывшие «в старые времена» в великом княжении Российской империи, признавая Малую Россию именем, которым обозначали ее поляки, именно от них оно и распространилось позже в Великой России (*Миллер Г.Ф. О малороссийском народе и запорожцах // Миллер Г.Ф. Исторические сочинения о Малороссии и малороссиянах. М., 1847. С. 2.*)

немецкий ученый возводит к XIV в., когда часть земель Киевского государства «по обеим сторонам Днепра» вошла в состав Польши (Червонная Россия) и Литвы (Малая Россия, завоеванная при Гедимине). Причины наименования он напрямую связывает с размерами областей («сии имена сами доказывают, что одна так названа в рассуждении другой»³²). Границей между Великой и Малой Россиями Миллер считал реки Сейм и Десну, которые, впрочем, иногда и «переступали». Аналогичным образом рассматривается происхождение топонима «Белая Россия», известной, согласно его утверждению, не ранее правления Гедимина.

Между прочим, ученый не сомневался в том, что «все оные страны, что мы ныне Литвою называем, включались под общим званием России», и российская власть тогда простиралась от Днепра до Немана (Мемеля). Такое положение было утрачено с вторжением татаро-монголов с востока и литовских правителей Гедимина и его сына Ольгерда — с запада. Именно к этому времени возводится появление названия «Белая Россия», происхождение которого расценивается как «неизвестное»³³ — автор приводит изложенные Татищевым три версии (от «белых снегов», от «белых одежд» и от «белых царей»). Полностью воспроизводит Миллер и раннее представление о территориальном составе Великой и Белой России: к первой относятся северные княжества, ко второй — северо-восточные и западные³⁴. Иначе говоря, содержание статьи Татищева о России совпадает со статьей в «Лексиконе» Полунина. Кроме того, статья Татищева / Миллера «Россия или Руссия» без изменений вошла в переработанное и дополненное Л.М. Максимовичем издание «Нового и полного словаря Российской империи» (1788–1789)³⁵. Единственным отли-

³² Россия или Руссия // *Полунин Ф.А. Географический лексикон*. С. 277.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 279–280.

³⁵ Россия или Руссия, по старинному Русь // *Максимович Л.М. Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон, описующий азбучным порядком, географически, топографически, гидрографически, политически, хронологически, генеалогически и ге-*

чем стал включенный в это издание перечень племен Российской империи, в котором фигурируют «славянские народы» (в составе россиан и поляков)³⁶. И в Географическом словаре (1801–1809)³⁷, и в «Картинах России» (1807) А.М. Щекатова³⁸ приведены те же самые тексты, лишь немного отредактированные.

В «Краткой географии» (1767) Х.А. Чеботарева утверждалось, что «с давних времен принадлежали к Европейской России земли, составляющие три главные ее части: Великую, Малую и Белую Россию»³⁹. В его же «Описании» (1776) Российской империи содержится подробный перечень земель каждого из регионов⁴⁰. Автор не разделял точку зрения Татищева и Миллера относительно Белой

ралдически, наместничества, области и уезды; города, крепости, редуты, форпосты, остроги, яшашные зимовья, станицы, местечки, села, погосты, ямы и слободы; соборы, церкви и монастыри; рудные и другие заводы и фабрики; реки, озера и моря; острова и горы; прежние и новые иностранные поселения; обитателей как природных российских, так и других народов, и прочие достопамятные места обширной Империи Российской в нынешнем ее состоянии, в царствование императрицы Екатерины Великия новоустроенном; с объяснением и тех мест, которые в прежние войны и прошедшую Турецкую; а некоторые прежде того и от Персии храбростию российской или обладаемы были, или и ныне находятся еще во владении; также и тех, которые в преславное настоящее царствование с Белоруссиею и с полуостровом Крымом к России присоединены; из достопамятных и достоверных древних и новых источников собранный. В 6-ти ч. М., 1788–1789. Ч. IV. М., 1788. С. 172–189.

³⁶ Там же. С. 188.

³⁷ Россия // *Щекатов А., Максимович Л.* Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком географически, топографически, гидрографически, физически, исторически, политически, хронологически, генеалогически и геральдически все губернии, города и уезды и т.д. В 7-ми ч. М., 1801–1809. Ч. 1. М., 1801. Стлб. 78–83.

³⁸ [*Щекатов А.М.*] Картина России, изображающая историю и географию хронологически, генеалогически и статистически, с включением обозрения по духовной, военной и гражданской ее частям, как в первобытном ее состоянии, так и в царствование государя императора Александра I. М., 1807. С. 7–14.

³⁹ *Чеботарев Х.А.* Краткая география Российской империи // Календарь или Месяцеслов географический на 1767 г. СПб., 1767. С. 95.

⁴⁰ *Чеботарев Х.А.* Географическое методическое описание Российской империи, с надлежащим введением к основательному познанию земного шара и Европы вообще, для наставления обучающегося при Императорском Московском Университете юношества из лучших новейших и достоверных писателей. М., 1776. Гл. III.

России как пространства, соотносимого с пределами Московского государства. Великая Россия (*Rossia Magna*) в историческом значении понимается им весьма широко, она разделяется на северную и южную части, к первой относятся 15 провинций (Псковская, Великолуцкая, Новгородская, Белозерская, Каргопольская, Старая Российская Карелия, Российская Лапландия, Двинская или Архангелогородская, Югорская, Печорская, Пермская, Устюжская, Галицкая и Вологодская, а также Вятская). Таким образом, эта часть Великой России обнимает все земли Российского государства от морей до Тверского региона, а Новгородская земля и зависимые от нее племена видятся древнейшей частью Великой России. К южной части Чеботарев относил области собственно северо-восточной Руси: Ярославское, Тверское, Ростовское, Суздальское и Владимирское княжества, Нижегородскую и Воронежскую (с землей донских казаков) провинции, а также Великое княжество Московское (с Можайском, Коломною, Тулой, Орлом, Калугой, Переславлем и др.). Московское княжество рассматривается как центральная часть не только Великой России, но и всего государства. По этой причине Белой Россией (*Rossia Alba*) остается лишь Смоленское княжество. Малая, в свою очередь (*Rossia parva g. Minor*, Украина, *Ukraina*), «лежит к югу меж Малой Татарию, Польшей и Великой Россией»⁴¹ и состоит из Новгород-Северского, Черниговского, Киевского княжеств, провинции Белгородской, а также включает Новую Сербию и земли запорожских казаков⁴².

В анонимном (авторство приписывают кругу А.Н. Радищева) «Новейшем повествовательном землеописании» (1795)⁴³, конфискованном по распоряжению Екатерины II,

⁴¹ Чеботарев Х.А. Краткая география. С. 102.

⁴² Чеботарев Х.А. Географическое методическое описание. С. 95–104.

⁴³ Повествовательное землеописание. Ч. II // Новейшее повествовательное землеописание всех четырех частей света, с присовокуплением самого древнего учения о сфере, также и начального для малолетних детей учения о землеописании. Российская империя описана статистически, как никогда еще не бывало. В 5-ти ч. СПб., 1795 (в каждой части отдельная пагинация).

содержится два вида разделения Европейской России: а) хорошо известное — на Европейскую и Азиатскую части; б) на «существенную» и «приобретенную» — «т. е. завоеванную или присоединенную Россию»⁴⁴. «Существенная» — основная часть России, в свою очередь, состоит из Великой, Малой, Белой и Красной Росий. Авторы утверждают, что имена трех земель (кроме Великой России) получены от поляков, под господством которых они находились несколько веков. В первой части, представляющей собой набор сведений для учащихся, перечень «знатнейших городов Великой России» дает возможность обозначить ее пределы: в нее включены, в частности, Новгород, Псков, Архангельск, Тверь, Тула, Владимир, Калуга, Вологда, Ярославль, Рязань, Тамбов, Москва, Орел и Курск, в то время как из крупнейших городов Белой России упомянуты лишь Смоленск, Полоцк и Могилев, а из Малой России («называется также Украиною») — Киев, Чернигов, Новгород-Северский и Полтава⁴⁵. При этом Минск, Язяслав, Брацлав и Каменец-Подольский отнесены к «Красной России»⁴⁶. Выделяется еще и «Новая Россия» (Екатеринослав, Херсон, Азов). Таким образом, земли Великой России в сравнении с предыдущими версиями толкуются расширительно, а земли Белой, напротив, ограничены лишь присоединенными после разделов Речи Посполитой губерниями. Очевидны и причины: отнесение связано с границами Российского государства в XVII в.

Следует отметить, что из этнонимов, обозначающих этнический состав населения этих земель, в труде использован лишь термин «малороссиань» — в обширном фрагменте о происхождении и особенностях казачества («не все малороссиане называются козаками»⁴⁷). Авторы излагают

⁴⁴ Повествовательное землеописание. Ч. II // Новейшее повествовательное землеописание всех четырех частей света, с присовокуплением самого древнего учения о сфере, также и начального для малолетних детей учения о землеописании. Российская империя описана статистически, как никогда еще не бывало. С. 27.

⁴⁵ Там же. Ч. I // Там же. С. 6.

⁴⁶ Там же. С. 7–8.

⁴⁷ Там же. Ч. II // Там же. С. 123.

довольно сложную и несколько запутанную картину исторического формирования племенного состава Российской империи. Из «древних жителей» упомянуты «древние славене» наряду с «древними руссами», готами, германцами и т. д.⁴⁸ «В старину» Россия называлась по-другому: Русь, Руссия, а современное наименование обрела якобы в конце царствования Ивана II (то есть Ивана Красного, сына Ивана Калиты) по инициативе митрополита Макария (данный фрагмент также заимствован у Татищева)⁴⁹. Смешение русов со славянами («славенами») относят к древним временам, в результате чего сформировался единый народ, от которого, в свою очередь, произошел древний русский народ, перечисление ветвей которого позволяет установить, что под ними подразумевались финно-угорские племена⁵⁰. Казаки определены в «Землеописании» как «россияны, потомство другого колена воинственных славен»⁵¹. Упоминается и лингвистическая номенклатура: язык российский назван очищенным и обогащенным славянским, «и оным говорят все россиань», а славенский язык был известен на Руси еще до Рюрика, хотя и не был общеупотребительным⁵². Таким образом, руссы являют собой пример народа, забывшего собственный язык и перенявшего язык победителей⁵³.

Можно было бы предположить, что в конце столетия татищевская трактовка Московской Руси как Белой оказалась постепенно вытеснена из наиболее важных географических описаний и учебников конца XVIII в. Однако неожиданно она вновь встречается в рассказе о событиях политической истории XVI в. — в «Истории» Н.М. Карамзина. Описывая

---

⁴⁸ Повествовательное землеописание. Ч. II // Новейшее повествовательное землеописание всех четырех частей света, с присовокуплением самого древнего учения о сфере, также и начального для малолетних детей учения о землеописании. Российская империя описана статистически, как никогда еще не бывало. С. 99.

⁴⁹ Там же. С. 100.

⁵⁰ Там же. С. 101.

⁵¹ Там же. С. 108.

⁵² Там же. С. 129.

⁵³ Там же. С. 130.

заслуги в расширении и укреплении единого государственного государства, историк анализирует новый титул русского царя Ивана III. В этом титуле, по его мнению, государь именовал Московскую Русь Белою — «т. е. великою или древнею»⁵⁴.

Нельзя обойти вниманием одно из наиболее полных в XVIII в. этнографических описаний русских, представленное в важнейшем народоведческом труде И.Г. Георги. Для этого обратимся к изданию 1799 г. на русском языке — именно в этом варианте публикуются все четыре части сочинения, причем в четвертую введен новый текст анонимного автора о «владычествующих россианах», содержащий более подробный, чем ранее, фрагмент этнографического описания русских. В этой части, написанной, как доказал С.А. Токарев, М.И. Антоновским, в перечне этносов фигурировали «россианы», но при этом их связь с геополитической номенклатурой никак не фиксировалась. В другом, носившем еще не научно-этнографический характер и явно продолжавшем традиции народоописаний прежних веков, сочинении «Позорище странных и смешных обрядов»⁵⁵ (1797) представлены свадебные обряды народов Земного шара. Из обитающих в Российской империи народов описано восемнадцать, включают список «малороссияне» и «великороссияне»⁵⁶. В очерке упомянуты «древние великороссияне» (их свадебные и брачные обычаи XVI–XVII вв.) и современные («ныне во многих великороссийских местах»), при этом для выделения повсеместно распространенных обычаев используется прилагательное «российские» («деревни» или «места России»). Было бы некорректным полагать, что в данной книге малороссияне и великороссияне выступают как народы в этническом смысле, — скорее, они репрезентируют региональные племенные вариации.

---

⁵⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12-ти т. М., 1989–1998. Т. VI. М., 1998. Гл. 7.

⁵⁵ Позорище странных и смешных обрядов при бракосочетаниях разных чужеземных и в России обитающих народов и притом нечто для холостых и женатых. СПб., 1797.

⁵⁶ Великороссияне // Там же. С. 239–250.

Велико- и малороссияне ||

В 1820-х — 1850-х гг. характерные для предшествующего века понятия «великороссияне» / «малороссияне» продолжали активно использоваться в качестве синонимичной пары к определениям «северноруссы» / «южноруссы». Однако первые, в отличие от вторых, не функционировали как этнонимы, поскольку еще некоторое время не включались в качестве номенклатурной единицы в список славянских народов Российской империи. Он, как уже говорилось, «составлялся» по языкам, отчего все носители языка русского именовались «россиянами». Среди известных нам статистических и географических описаний 1830-х гг. «великороссияне» и «малороссияне» в качестве отдельных племенных отраслей, а не наименований жителей или наречий впервые зафиксированы в статистическом обзоре Н.А. Иванова и Ф.В. Булгарина (1837). В перечне племен, населяющих Российскую империю, к славянским отнесены великороссияне и малороссияне (по отдельности), поляки с литвой объединены; указаны немногочисленные проживающие в России сербы, болгары и «прочие славяне», а также казаки, разделяемые по регионам проживания (шесть групп)⁵⁷.

Как в статье Н.И. Надеждина о Великой России в Энциклопедии 1837 г.⁵⁸, так и в трудах М.П. Погодина 1840-х — 1850-х гг.⁵⁹ использовались исключительно понятие «великороссияне» (а не «великороссы» или «великоруссы») и образованное от него прилагательное «великороссийский». Надеждин в статье для «Лексикона» специально

⁵⁷ Иванов Н.А., Булгарин Ф.В. Россия в историческом, географическом и литературном отношении. Ручная книга для русских всех сословий Ф. Булгарина. В 6-ти ч. СПб., 1837. Ч. 1: Статистики часть первая, содержащая в себе: введение, I. Основные силы государства. С. 299.

⁵⁸ Н.И. [Надеждин Н.И.] Великая Россия // Энциклопедический лексикон / Под ред. Н.И. Греча и О.И. Сенковского. Изд. А.А. Плюшара. В 17-ти т. (не окончено). СПб., 1834—1841. Т. IX. СПб., 1837. С. 261—276.

⁵⁹ В частности: Погодин М.П. Записки о древнем языке русском // Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. 1856. Т. V. Вып. 2. Стлб. 70—92.

останавливался на вопросе об образовании этнонима «великороссияне» от топонима «Великая Россия». Рассматривая словосочетание «Великая Россия» как искусственное образование, он заявлял: «До сих пор не пишется *Великая Русь, великоруссы, великорусский*, но “Великая Россия”, “великороссияне”, “великороссийский”»⁶⁰. Однако это утверждение не совсем верно. Так, в изданном в том же году сочинении О.М. Бодянского⁶¹ для обозначения великороссиян использован ряд синонимичных лексем, в том числе и «великоруссы»: северный русс⁶², североруссы⁶³, великороссиянин⁶⁴, русские⁶⁵, великоруссы⁶⁶; их песни именуются — русскими⁶⁷, северорусскими⁶⁸, великорусскими⁶⁹. Такое же обилие синонимичных определений наличествует в книге А.В. Терещенко 1848 года. В переписке Погодина и Максимовича конца 1840-х — начала 1850-х гг. по поводу малороссийского языка / наречия также встречаются наименования «великороссияне» (в паре с «малороссиянами») и прилагательные «великороссийский» / «малороссийский» для обозначения наречий и характера двух родственных племен.

Если исходить из предположения о том, что появление «парных» наименований происходило одновременно, реализуясь прежде всего в жанре сравнительных народоописаний «оттенков» русской народности, то можно допустить, что понятия-этнонимы «великороссияне» / «малороссияне» — как и «великоруссы» / «южноруссы» (а чуть позже «великоруссы» / «малоруссы») бытовали в этнографическом

⁶⁰ Н.Н. [Надеждин Н.И.] Великая Россия. С. 263.

⁶¹ Бодянский О.М. О народной поэзии славянских племен. М., 1837.

⁶² Там же. С. 114.

⁶³ Там же. С. 118, 119, 121.

⁶⁴ Там же. С. 120.

⁶⁵ Там же. С. 118, 119, 152.

⁶⁶ Там же. С. 139.

⁶⁷ Там же. С. 114.

⁶⁸ Там же. С. 115.

⁶⁹ Там же. С. 118, 149.

и публицистическом лексиконе параллельно. Несмотря на аргументированное заключение о том, что понятия малороссы / украинцы / южнороссы в начале XIX в. употреблялись все так же «бессистемно» и «как синонимы» в трактовке XVIII в., то есть, не имея значения этнонимов, применялись для различения населения Малороссии и жителей «Великороссии»⁷⁰. Точный ответ дадут лингвистические словари — в частности, соответствующие тома уже спроектированного и находящегося на стадии подготовки «Словаря русского языка XIX века».

Возвращаясь к этническим номинациям «отраслей», или «оттенков», русского народа, напомним, что на рубеже XVIII–XIX вв. «юг» Российской империи определился: им стала «русская Аркадия», как именовали Малороссию. В путешествиях первых десятилетий XIX в. (В. Измайлов, П. Шаликов) она именовалась «полуденной Россией» и «поэтическим Югом»⁷¹. «Севером» в этом случае оказывался Петербург с окрестностями — такое же отождествление было закреплено в европейских травелогах — за Россией в целом⁷² (апогей данной концептуализации — негативизм и ирония А. де Кюстина в отношении «северных» русских⁷³). Важно также заметить, что подобная категоризация «россиян» в широком смысле — в противопоставлении европейцам — была воспринята деятелями русской культуры после Отечественной войны 1812 г. и особенно укрепилась в 1820-е гг. «Русские как северяне» на этом новом этапе формирования национального самосознания

⁷⁰ Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И. Малоросс. С. 400.

⁷¹ Левкиевская Е. Стереотип украинца в русском сознании // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. М., 2008. С. 157; Александровский И.С. Украинский вопрос на страницах периодических изданий второй четверти XIX в. // Русские об Украине и украинцах. СПб., 2012. С. 131–152.

⁷² Мильчина В. Сентиментальный национализм и многообразная русификация (Круглый стол «Национализм в имперской России: идеологические модели и дискурсивные практики», 2002 г.) // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 533–545.

⁷³ Там же.

выступали как обладатели мужества и стойкости, чем и объяснялась их победа над изнеженными не только климатом, но и комфортом цивилизации европейцами.

Не удалось установить с точностью, когда совершился перенос определения «северный» со всех жителей Империи на то племенное ответвление, которое позже станет именоваться «великороссиянами». Более правдоподобной кажется версия, что это происходит параллельно процессу различения «оттенков» русской народности в 1820-х — 1830-х гг., в ходе разработки концепции народности⁷⁴, а также в связи с детализацией структуры великорусского наречия по говорам в соответствии с регионами. Наименования локальных инвариантов осуществлялись также по принципу отношения к ядру / центру (севернорусские и южнорусские говоры).

Поэтому в первой половине столетия описания «отраслей» русского народа постоянно апеллировали к привычной европейской дихотомии; следует отметить, что это не был исключительный случай — такое же географо-символическое ориентирование использовалось в изображении всех племен и народов. Однако в «русском случае» соотношение с севером и югом закрепилось в наименовании. Начиная с 1820-х гг. (хотя отдельные примеры встречались и несколько ранее) малороссияне (малороссы) именовались *южнороссами* / *южноруссами* и противопоставлялись *северноруссам*, или *северным россам*, то есть *великороссиянам* / *великороссам*. Частотными производными выступали также «севернорусский» / «южнорусский». Различия этих двух «отраслей» рассматривались в соответствии с предписанными и потому ожидаемыми от северных и южных обитателей стереотипными характеристиками. В частности, исследования восточнославянского фольклора 1820-х — 1830-х гг. привели ученых к выводу о том, что именно вследствие народных темпераментов «южнорусская» народная поэзия представляет совершенную противо-

⁷⁴ Лескинен М.В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «Другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. Гл. 2.

положность поэзии «северно-русской»⁷⁵. Аналогичным образом в рассуждениях о русских (общерусских) наречиях, о различиях между великороссийским и малороссийским его вариантами чаще всего использовалась именно эта дихотомия — *севернорусское / малорусское*⁷⁶. В сочинении Ю. Венелина 1847 г. восточнославянские этнические группы назывались русскими *северянами* и *южанами*, хотя автор использовал также этнонимы *украинцы*, *малороссы*, *украинский русак*⁷⁷.

В опубликованной в том же году программной научной статье Н.И. Надеждина, одного из основоположников отечественной этнографии, велико- и малороссы весьма предсказуемо именовались «*восточнорусским* (великороссийским) и *западнорусским* (т. е. *малороссийским*) племенами»⁷⁸ и «квалифицировались» как «два оттенка народности общерусской»⁷⁹. При этом северное (великорусское) могло рассматриваться как восточное по отношению к белорусскому: «Давни, но не исконны черты, отделяющие одно от другого наречия северное и южное — великорусское и малорусское; не столь уже давни черты, разрознившие на севере наречия восточное — собственно великорусское и западное — белорусское...»⁸⁰.

⁷⁵ См.: Максимович М.А. О малороссийских народных песнях. Предисловие // Максимович М.А. Собр. соч. В 3-х т. Киев, 1876–1880. Т. 2. Киев, 1877. С. 443–444; Бодянский О.М. О народной поэзии славянских племен. С. 122–123.

⁷⁶ Важным для интерпретации является трактовка каждого из авторов пары понятий язык / наречие — либо как синонима, либо в качестве родовой и видовой единиц лингвистической таксономии. В данном очерке мы не имеем возможности подробно рассматривать сами номинации, концентрируя внимание только на определениях. Подр. о языке и наречии: Лескинен М.В. Великорос / великорус. Гл. 3.

⁷⁷ Венелин Ю. О споре между южанами и северянами насчет их россизма // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1847. Год 3-й. № 4. С. 1–16.

⁷⁸ Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской // Записки Русского географического Общества. СПб., 1847. Кн. 2. С. 101.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка и других славянских наречий (1849). СПб., 1887. С. 34.

Различия в характере «южного и северного народонаселения Руси», вызванные природой страны, фиксировались в статьях К.Д. Кавелина конца 1840-х гг.⁸¹, в «Истории России» (1851)⁸² С.М. Соловьева, а позже и в лекциях В.О. Ключевского. «Рубежной» в использовании этнонимов *южнорусы* / *южнороссы* / *южные руссы* можно считать статью Н.И. Костомарова «Две русские народности» (1861), в которой он использовал этнонимы *малороссияне*, *малороссы* и *южнороссы* как синонимы, а также их дериваты, однако в количественном отношении в тексте абсолютно преобладают *южнорусы*⁸³. Обращаясь к вопросу об их происхождении, Костомаров пишет, что «выдуманное в последнее время название *южноруссов* остается пока книжным, если не навсегда останется таким, потому что, даже по своему сложному виду, как-то неусвоительно для обыденной народной речи...»⁸⁴. Костомаров полагал, что южноруссы постепенно переняли насмешливое прозвище «хохлов», данное им великороссами, и оно стало самоназванием⁸⁵. Точка зрения Костомарова о «книжном» происхождении термина *южнорусы*, как и его трактовка этнонима «хохол» как простонародного эндонима (которая не может восприниматься «всерьез») стали общепринятыми, вошли в российский этнографический дискурс и позже неоднократно воспроизводилась в научной литературе. В программной для русской этнографии статье в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона ее автор

⁸¹ Кавелин К.Д. Мысли и заметки о русской истории // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 171–255.

⁸² Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч. В 18-ти кн. М., 1988–1995. Т. 1. М., 1988. С. 73.

⁸³ Костомаров Н.И. Две русские народности // Исторические монографии и исследования Н. Костомарова. В 16-ти т. СПб., 1872–1885. Т. 1. СПб., 1872. С. 53–108. «Великороссийский» характер — 1 раз; Великороссия — 11 раз, великороссияне — 2 раза, великорус / великоруссы — 32 раза, великорусский (народ, племя, народность, человек наречие, свойство, стихия) и др. — 48 раз (ср.: этноним «южнорусс» и его производные — 102 раза).

⁸⁴ Там же. С. 233.

⁸⁵ Там же.

Д.Н. Анучин выдвигал предположение о том, что этноним «южноруссы» возникает позже топонимических этнонимов, в качестве альтернативы определениям «малороссияне» и «малоруссы» в творчестве малороссийских деятелей и имеет патриотически-идеологическую мотивацию. Он писал: «Название “южноруссы”, введенное, впрочем, несколько ранее Костомарова, писателями малороссийского происхождения, имело, очевидно, целью, устранив понятие о “малости” или “великости”, ввести более определенные обозначения, основанные на различии географического распространения. К этому присоединилось еще представление, развитое Максимовичем, Костомаровым и другими, что теперешние малоруссы составляют прямых потомков, и по крови, и по языку, древних южнорусских славянских племен...»⁸⁶.

Интересно, что Анучин «возлагал ответственность» за распространение этнонима *малорусы* (использовавшегося, подчеркнем еще раз, начиная с 1840-х гг.) именно на Костомарова: «Эти ... обозначения (малоруссы / великоруссы. — М. Л.) стали употребляться сравнительно недавно, с пятидесятих и шестидесятих годов, отчасти ... по примеру Костомарова, который пользовался наименованиями то “северно-” и “южно-руссы”, то “велико-” и “мало-руссы”»⁸⁷.

Однако в народоописательной и географическо-статистической литературе первой половины XIX в. в качестве нормативного этнонима выступало все же другое наименование, восходившее еще к словоупотреблению XVIII в. Заметим, что именованное племен «русского народа» «малороссиянами» и «великороссиянами» (не «малорусами» и «великорусами») абсолютно преобладало. В описаниях Малороссии и языка ее жителей явно доминировал этноним «малороссияне» и прилагательное «малороссийский» — только в такой форме использовалось в «Малороссийской грамматике» (1818) А.П. Павловского⁸⁸, в «Письмах

⁸⁶ Великоруссы // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. Т. Va (п/т. 10). СПб., 1892. С. 828–843 (автор — Д. Анучин). С. 829.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Павловский А. Грамматика малороссийского наречия. СПб., 1818.

из Малороссии» (1816) А.И. Левшина⁸⁹ и в «Живописном путешествии» (1830) П.П. Свиньина⁹⁰, в этнографических описаниях подавляющего большинства великороссийских и малороссийских губерний в издававшемся в 1840-х — 1850-х гг. Военно-статистическом обозрении Российской Империи⁹¹, а также в учебниках И. Павловского⁹² А. Ободовского⁹³, Я. Кузнецова⁹⁴ (у Павловского — в нескольких вариантах, в Военно-статистическом обозрении — исключительно в этой форме). Такое же определение двух «русских народов» встречается в детской географической игре К. Грибанова⁹⁵.

Но допустим, следуя предлагаемой коллегами-историками дискурсивной дифференциации, в трудах исследователей, отождествлявших себя с малороссийской или украинской (во всяком случае, не с великороссийской)

⁸⁹ *Левшин А.И.* Письма из Малороссии. Харьков, 1816.

⁹⁰ *Свиньин П.П.* Из живописного путешествия по России. Полтава // Отечественные записки. 1830. Ч. 42 (№ 120). С. 1–45. Позже вошла в книгу: Картины России и быт разноплеменных ее народов. Из путешествий П.П. Свиньина. СПб., 1839.

⁹¹ Военно-статистическое обозрение Российской Империи, издаваемое по Высочайшему повелению при Первом Отделении Департамента Генерального Штаба. В 18-ти т. СПб., 1837–1854. Описание малороссийских губерний содержится в томе 12, но описания малороссиян — также в томе 10 (Юго-западные губернии), и частично — в томе 13 (Средние черноземные губернии); «собственно великороссийские» губернии представлены в томе 6.

⁹² *Павловский И.* География Российской империи. В 2-х ч. Дерпт, 1843. Ч. 1. С. 189, 190 и др.; *Павловский И.* Руководство к географии Российской империи. СПб., 1858. С. 56, 57–59.

⁹³ Российская империя // *Ободовский А.* Краткая всеобщая география. СПб., 1852. С. 74.

⁹⁴ *Кузнецов Я.* Учебный курс географии Российской империи. СПб., 1855. С. 65–73.

⁹⁵ Первое издание вышло под названием: География России. Собрание карт. СПб., 1830, второе издание: Альбом географических карт России, расположенных на 80-ти листках по бассейнам морей или замечательный и поучительный детский гран-пасьянс, составленный К. Грибановым. СПб., 1857. Были и следующие переиздания — 1859 г. и др. Подробнее см.: *Афанасьев О.Е.* Географические игральные карты Константина Грибанова XIX в. и их учебно-просветительская роль в распространении знаний о родной стране // Псковский регионологический журнал. 2010. № 9. С. 125–135.

народностью, или в научных текстах малороссийских патриотов-украинофилов этнонимический ряд будет другим. Проверим. М.А. Максимович в 1827 г. издал «Малороссийские песни», и в предисловии к этому тексту ни разу не использовал понятия «украинец» и «украинский»⁹⁶. Второе издание песен выходит в свет в 1834 г. под названием «Украинские народные песни», но и здесь для автора наиболее частотным этнонимом остается «малороссиянин». Малороссиянин, а не малоросс создал малороссийские или украинские или южнорусские песни, а наименование «украинец» не использовано ни разу⁹⁷. В предисловии и комментариях П.А. Лукашевича к текстам дум и песен (1836) встречаются только этноним «малороссияне» и прилагательные «малороссийский» и «украинский», но отчетливо преобладает первое определение⁹⁸. В «Старине малороссийской, запорожской и донской» (1846) Н.М. Сементовского встречается пара «малороссиянин» — «малороссийский»⁹⁹. В авторском тексте «Записок о Южной Руси» (1856) П.П. Кулиша фигурируют «северный и южный русский народ», «малороссияне», «малороссийская этнография», «малороссийский или южнорусский народ» или племя, «малороссийские думы», «южнорусская речь» и «малороссийский язык» и ни разу не использованы этнонимы «малорус» и «украинец»¹⁰⁰. В этнографической работе (1860) Н. Маркевича обнаруживаем исключительно этнонимы «малороссиянин», «малороссиянка» и прилагательное «малороссийский»¹⁰¹.

Однако есть и исключения из этой тенденции. Так, в предисловии к сборнику запорожских песен и дум, собран-

⁹⁶ Максимович М.А. О малороссийских народных песнях. Предисловие // Максимович М.А. Собр. соч. В 3-х т. Т. 2. С. 439–451.

⁹⁷ Максимович М.А. [Предисловие к «Украинским народным песням»] // Там же. С. 452–455.

⁹⁸ Лукашевич П.А. Малороссийские и червонорусские народные думы и песни. СПб., 1836.

⁹⁹ Сементовский Н.М. Старина малороссийская, запорожская и донская. СПб., 1846.

¹⁰⁰ Кулиш П.П. Записки о Южной Руси. В 2-х т. СПб., 1856.

¹⁰¹ Маркевич Н. Обычай, поверья, кухня и напитки малороссиян. Киев, 1860.

ных И.И. Срезневским и изданных в 1833 г., обнаруживаем определение «запорожско-украинское» наречие и язык, а также этноним «украинцы»¹⁰². Правда, довольно трудно установить без анализа индивидуального словоупотребления Срезневского в этот период жизни, выделяет ли он Украину как отдельный регион Малороссии.

В этнографической статье М.А. Максимовича 1856 года издания ни разу не встречается прилагательное «малороссийский», лишь однажды — «южнорусский», а доминируют этноним «украинец» и определение «украинский», даже в тех разделах, где речь идет об обычаях и песнях¹⁰³. В то же время в сочинениях о языке / наречии Максимович употребляет прилагательное «малороссийский» и этноним «малорусь»¹⁰⁴.

Итак, несмотря на параллельное бытование нескольких этнонимов для обозначения представителей малороссийского племени следует констатировать, что в этногеографическом дискурсе первой половины столетия наиболее частотными оказываются этнонимы: а) *южнорусы* и его варианты (*южнороссы*, *южные русы* и др.) и прилагательные (*южнорусский*, *южноросский*) и б) *малороссияне* (и его дериваты). Этноним *украинец* и определение *украинский* также встречаются в этом комплексе источников, но значительно и явно уступают по частотности первым двум, а по содержанию им тождественны. При этом многие авторы прямо указывают на то, что *южноруссы*, *малороссы* и *украинцы* — одно и то же племя. Эта констатация отрефлексирована: они либо дают специальный комментарий, либо помещают этнонимы в скобки, либо используют союз «или». Например, в работе О.М. Бодянского активно используется целый ряд этнонимов в качестве синонимов:

¹⁰² Срезневский И.И. Предисловие // Срезневский И.И. Запорожская старина. Песни и думы о лицах и событиях до Богдана Хмельницкого. Т. 1. Харьков, 1833.

¹⁰³ Максимович М.А. Дни и месяцы русского селянина // Максимович М.А. Собр. соч. В 3-х т. Т. 2. С. 463–524.

¹⁰⁴ Максимович М.А. Начатки русской филологии // Там же. Киев, 1877. Т. 3. С. 25–155.

южные россы, южнорусские славяне, малороссияне, украинцы, малорусы, а также прилагательные южнорусские, украинские, малорусские (песни)¹⁰⁵, но автор указывает: «...поэзия же *южных росссов (украинцев, малороссиян)*...»¹⁰⁶. В географическом очерке в журнале «Основа» неоднократно подчеркивалось (и в названии, и в тексте), что «южноруссь», «украинцы» и «малоруссь» — разные наименования одного племени¹⁰⁷. Впрочем, следует признать, что в некоторых работах этнонимический ряд применяется настолько бессистемно и без преобладания какого-либо из наименований, что без специальных лингвистических методов невозможно установить ни предпочтения авторов, ни соотношения этих названий с определенным контекстом.

Аналогичным образом структурировал свою рецензию (1847) на публикацию «Описания Украинь» Г. де Боплана и Ю.И. Венелин¹⁰⁸, который разделяет «русский народ» на две основные ветви — северную и южную (хотя упоминает еще одну восточно-русскую группу — болгар), или на «северян» и «южан»¹⁰⁹, «северных и южных россиян»¹¹⁰; критерием различения являются «уклонения в языке». При этом Венелин использовал ряд синонимичных понятий для обозначения *южных росссов (украинцы, малороссы, украинский русак, хохол)*, для других «россов» он применял только слово «москвитянин» и определения, связывающие их с регионом Руси Северо-Западной — но «дорюриковой» (слово самого автора; мы не приводим также указываемые им многочисленные «народные» наименования). Венелин, однако, утверждал, что общим, «собственным» названием

¹⁰⁵ Бодянский О.М. О народной поэзии славянских племен. С. 122, 136 и далее.

¹⁰⁶ Там же. С. 114.

¹⁰⁷ См.: Краткое географическое обозрение края, населенного южнорусским (украинским или малороссийским) народом // Основа. 1861. № 5, 7, 11–12.

¹⁰⁸ Венелин Ю. О споре между южанами и северянами насчет их россизма.

¹⁰⁹ Там же. С. 2–3.

¹¹⁰ Там же.

северян и южан является «Росс», а названием страны — «Русь»: «Северяне называют себя прилагательным, производимым от *Русь ... русьскими*, но пишутся *русские*, ибо последнее с делает лишним *ь*; южане, напротив, еще ближе и естественнее, не прилагательным, но *материальным ...* от *Русь (русин), русинами*, т. е. сынами Руси... Но, впрочем, все равно: *русин* ли, *русак*, *русский* ли, *россиянин* или коренное *росс* ли»¹¹¹. «Но зато и южане, — продолжает автор, — в свою очередь, не допускают северян участвовать в россизме; как ни называй себя он русским, все-таки он не русин, а москаль, липован и кацап. По мнению южан, настоящая Русь простирается только до тех пределов, до коих живут южане, а все прочее — Московщина. В том же самом мнении и какой-либо карпато-росс, живущий на берегах Тисы; его Часослов или Миняя киевской печати напоминают ему Русь, но не Москву, хотя и московская печать у него не редкость»¹¹². Сам Венелин стоит на стороне приверженцев «малороссийской» версии. Он пишет: «В этом споре сих двух русских братьев о наследстве участвовала судьей вся Европа и отчасти Азия; единодушно решено всеми народами в пользу южан. И действительно, по понятию всех народов, Русь от Карпатов простиралась только по Глухов и Витебск, а то все прочее было Московщина. Напрасно Грозный и Величавый Алексей именовались царями всея Великия, и Малыя, и Белья России; все еще в актах Европы Русью именовалась только Галиция, Подолье и Волынь. Этого имени не осмелились отнимать у южан и самые лютые враги их. История гонений свидетельствует, сколь дорого стоило им это имя»¹¹³. При этом Венелин вообще не использовал этноним «великорус», настаивая, как видим, на том, что «россизм» не признают за «москалями» не только южноруссы, но, в сущности, и сами

¹¹¹ Венелин Ю. О споре между южанами и северянами насчет их россизма. С. 3–4.

¹¹² Там же. С. 5.

¹¹³ Там же.

«москали», не считающие малороссов «своими». Конечно, следует учитывать, что такое оригинальное для 1830-х гг. мнение не было в полной мере типичным по причине происхождения автора, который приехал в Россию только в 1823 г., однако в контексте этнонимии данные высказывания как раз показательны.

Интересна завуалированная репрезентация вариаций «единого народа русского» в книге (1848) А.В. Терещенко, представлявшей, в сущности, апологизацию идеи общерусской «народности». Несмотря на то что у автора нет деления на северный / южный «оттенки», намек на это все же прочитывается. Терещенко «дает подсказку»: жители разных областей (частей) России именуется у него по регионам — например, по характеристике в «жителях Юго-Западной части» мы можем с высокой долей уверенности «опознать» малороссиян; обитатели же северо-восточной части России ассоциируются с великороссиянами¹¹⁴. При этом в книге в некоторых случаях прямо используются определения «великороссияне» и «малороссияне»¹¹⁵, в частности, Терещенко включал в состав славянских племен Империи «русских, малороссиян, казаков ... и поляков»¹¹⁶. Впрочем, нет полной уверенности, что подразумевались именно этнонимы, а не регионимы, этнонимическое значение явственно лишь в процитированном словосочетании.

Автор указывал на то, что «между малороссиянами и русскими нет никакого различия: один дух и одно благородное желание управляет ими. Если мы видим различие нравов, то это не есть противодействие народности»¹¹⁷. Контекстуальный анализ дает основание в этом усомниться; самого автора, по-видимому, не очень заботило корректное словоупотребление, поскольку у него в одном синонимическом ряду стоят малороссияне, жители юго-западной части

---

¹¹⁴ Терещенко А. Быт русского народа. В 7-ми ч. СПб., 1848. Ч. 1. С. 156–158.

¹¹⁵ Там же. С. 79.

¹¹⁶ Там же. С. 136–137.

¹¹⁷ Там же. С. 140.

России и русские. Однако исторический и этнографический фрагменты сочинения Терещенко позволяют с большей или меньшей степенью уверенности говорить о том, что для автора «русский народ» эквивалентен скорее «великороссиянам», а не всем восточнославянским племенам, как было принято в научном лексиконе той эпохи.

Авторы описаний русского народа и его региональных разновидностей, как и в дефинициях регионов Великая и Малая Россия, часто прибегали к формуле «собственно», «собственный» — то есть «русский в узком смысле». Терещенко также использовал данное определение: «собственно русские»¹¹⁸ — это великороссияне. Тот же прием применен автором вышедшего в 1865 г. популярного словаря: «Великороссияне или собственно русские ... казаки донские и произошедшие от них кавказские, астраханские, оренбургские, уральские и сибирские, принадлежащие к русскому племени — и отдельно малороссияне и белорусь»¹¹⁹. Встречаются также более лаконичные и конкретные отождествления русских и великороссиян — правда, в книге, предназначенной иностранным читателям (1862), говорится: «Русские... обитатели губерний Великороссии»¹²⁰.

Отчетливо проявившаяся у А.В. Терещенко тенденция к синонимизации наименований «русские» и «великороссияне», как уже отмечалось, была характерна и для историков 1840-х — 1850-х гг. В частности, в заглавиях трудов И.М. Снегирева и И.П. Сахарова 1830-х — 1840-х гг. присутствует слово «русский», однако содержание показывает, что речь идет о великорусах и их предках — в отличие, кстати, от расширительного использования данного прилагательного в историко-этнографических сочинениях 1860-х — 1880-х гг., — например, И.Е. Забелина, М.М. За-

¹¹⁸ Терещенко А. Быт русского народа. Ч. 1. С. 7.

¹¹⁹ Карманное политико-статистическое землеописание Российской империи для всех, с 81 литографированною картою, гербами губерний и областей, почтовыми и железными дорогами, водяными сообщениями, составлено А. Романовским. СПб., 1865. С. 5.

¹²⁰ Паули Ф.Х. Народы России / Пер. Е.К. Радугина. М., 2010. С. 17.

былина, Н.И. Костомарова¹²¹. Такое же отождествление часто встречалось в этногеографических текстах, но не в основных (номенклатурных или классификационных) «сюжетах», а при характеристике своеобразных свойств или черт великорусского племени. Впрочем, данный вопрос требует лексикологического анализа индивидуального словоупотребления конкретных авторов и его трансформации на протяжении десятилетий, поэтому ограничимся лишь констатацией данной особенности для текстов, возникших до 1860-х гг.¹²² В письмах М.А. Максимовича к М.П. Погодину

¹²¹ *Снегирев И.М.* Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках. В 4-х кн. М., 1831–1834; *Снегирев И.М.* Русские престопадные праздники и суевежные обряды. В 4-х вып. М., 1837–1839; *Снегирев И.М.* Русские народные пословицы и притчи. М., 1848; *Снегирев И.М.* О лубочных картинках русского народа. М., 1844; *Сахаров И.П.* Сказания русского народа. М., 1836–1837; *Сахаров И.П.* Русские народные сказки. СПб., 1841; *Сахаров И.П.* Записки русских людей. СПб., 1841; *Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времен. В 2-х т. СПб., 1879; *Забьлин М.М.* Его бычаи, обряды, предания, суеверия, поэзия. СПб., 1880; *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В 3-х т. СПб., 1873–1888. А также: *Пыпин А.Н.* История русской этнографии. В 4-х т. СПб., 1890–1892.

¹²² Этноним «русские» в значении «великорусы» начинает использоваться в источниках данного жанра, демонстрируя тенденцию к замещению последнего начиная с 1890-х гг. После событий 1905–1906 гг. она приобретает отчетливые формы и предсказуемую тенденцию к трансформации этнонима «великорусы» в «русские». См., например, уточнение «русские или великоруссы» (Великоруссы // *Тимковский Д.* Наша страна. Картины природы и быта народов России. Географический сборник для чтения в семье и школе. 2-е изд. М., 1912. С. 148). Аналогичные изменения происходят в это же время с этнонимом «украинец», вытесняющим определение «малорос» начиная с 1890-х гг. См. подр.: *Капеллер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // *Россия — Украина: история взаимоотношений.* М., 1997. С. 125–144. С. 136–144; *Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И.* Малороссы; *Лескинен М.В.* «Южноруссы», «малороссияне», «малоруссы», «украинцы»: трансформация этнонима в российский этногеографическом дискурсе XIX в. // *Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе.* М.; СПб, 2016. С. 77–102. Однако этот процесс носит принципиально иной характер: в 1820-е — 1860-е мы имели дело с переходным этапом концептуализации «великорускости» из «общерусскости» как региональной, «отраслевой» группы, на рубеже XIX–XX вв. осуществляется только замена самого наименования, и все, что прежде относилось к «великороссиянам», «великорусам» и т. п., остается без изменений, иной становится лишь номинация («русские»).

о малороссийском языке конца 1840-х гг.¹²³ использованы определения «южнорусское» (в значении «малороссийское») и «севернорусское» («великороссийское»)¹²⁴.

Трудно выявить определенную тенденцию смены номинаций для определения «великороссияне» в творчестве Н.И. Надеждина. В своей важнейшей (цитировавшейся выше) статье о Великой России он использовал определения «великороссияне», «великороссийский народ»¹²⁵; в его этнографическом очерке появляется определение «ветвь обширного славянорусского (или русского. — М. Л.) племени»¹²⁶, таким образом, под «славянорусскими» понимаются три восточнославянские группы. Однако при этом слово «русский» выступает и как синоним «великорусского»¹²⁷. А десятью годами позже в программной статье 1847 г. «Об этнографическом изучении народности русской» Надеждин вполне предсказуемо именуется велико- и малороссов с точки зрения наиболее частотных названий «отраслей» русского народа через оппозиции северные / южные и западные / восточные «*восточнорусским (великороссийским) и югозападнорусским — т. е. малороссийским племенами*»¹²⁸. Они же названы «северо-восточными и юго-западными россами» и «квалифицируются» как «два оттенка народности общерусской» — «восточно-русской (великороссийской) и западнорусской (тут исключительно малороссийской)»¹²⁹. «Северо-восточным руссом» Надеждин именуется представителя северной отрасли русских¹³⁰, противопоставленной «юго-западному» ее «облику» (белорусам). «Западно-рус-

¹²³ Максимович М.А. Филологические письма к М.П. Погодину // Максимович М.А. Собр. соч. В 3-х т. Т. 3. С. 180–272.

¹²⁴ Там же. С. 190.

¹²⁵ Н.И. [Надеждин Н.И.] Великая Россия. С. 263, 265, 267, 268, 269 и далее. При этом автор использует наименования «малороссы», «малороссияне», «ХОХЛЫ».

¹²⁶ Там же. С. 265.

¹²⁷ Там же. С. 270.

¹²⁸ Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской. С. 101.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же. С. 80.

ским оттенком» названа белорусская народность. Прилагательное «великороссийская» Надеждин связывает и с существительными «старина», «особность». Таким образом, употребляя слово «великороссияне» («мы, великороссияне»), он, тем не менее, использует (как и Ю.И. Венелин) целый ряд соположенных наименований. Упоминая важный, с его точки зрения, вопрос о том, что «различия, существующие между оттенками великороссийским и малороссийским в пределах России, служат для некоторых поводом к утверждению: будто их нельзя считать оттенками одного основного типа; будто это *не один* русский народ, а *две* отдельные народности (выделено Надеждиным. — *М. Л.*), каждая с равным самобытным значением в общей великой семье славянской»¹³¹, Надеждин уклоняется от конкретного решения, ссылаясь на необходимость дальнейшего изучения проблемы. Вряд ли можно на этом основании однозначно заключить, что данные наименования «отраслей» являются именно этнонимами, призванными подчеркнуть этническую специфику, а не этниконами, — ведь Надеждин не соотносил свои рассуждения с народной самоидентификацией, хотя фиксировал кардинальные различия в быте, культуре, обычаях данных групп. При этом он определенно утверждает, что язык (важнейший критерий этничности того времени) этих отраслей — общерусский; поэтому можно предполагать, что мы имеем дело не с этнонимом в чистом виде, а с наименованием племенной ветви. С другой стороны, реконструированные нами значения понятия «народность» в языке науки 1840-х — 1870-х гг., когда народность толковалась как этничность, не позволяют полностью отвергать и другой вариант трактовки, непосредственно относящийся к этнонимии.

«Восточное поколение, или великороссияне» и «юго-западное, или малороссияне, и северо-западное», то есть белорусы, представлены в учебнике географии 1843 г.¹³²;

¹³¹ Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской. С. 102.

¹³² Павловский И. География Российской империи. Ч. 1. С. 193.

слова «россияне» и «великороссияне» (судя по контексту употребления) выступают в качестве синонимов¹³³. Когда речь заходит о региональных отличиях «русских» групп, проявляются определенные закономерности в распределении свойств в категориях север, запад / юг, восток. Данная оппозиция не только оказалась главенствующей в описаниях двух восточнославянских «отраслей» русского народа, но также структурно и методологически определила способы репрезентации и форму изложения: исключительно в сравнении и с опорой на врожденные, сформированные климатом качества.

В этногеографических описаниях понятие «великороссы» бытовало до 1850-х гг. как менее частотное — в отличие от явно преобладавшего «великороссияне». Не исключено, что такое употребление данного понятия было много шире, не ограничиваясь сугубо специальными текстами данного жанра. Так, анализ этнонимов в языке А.С. Пушкина обнаруживает слова «великороссиянин», «россиянин», «русак», «русский» при отсутствии слов «великорус / великоросс»¹³⁴. «Великороссы» появляются в конце 1840-х гг. и вначале функционируют как синоним к определениям «великороссиянин» и «северный росс», «северорус». Во второй половине столетия наименования «южно-русъ» и «северно-русъ» хотя и сохраняются, но постепенно перемещаются на периферию научной лексики, используются все реже. Однако в сравнительных характеристиках малорусов и великорусов они намного более частотны даже в конце XIX — начале XX в.

Зафиксированные в этнонимии отличия русских «южан» от «северян» встречаем в статьях К.Д. Кавелина конца 1840-х гг.¹³⁵; в авторском тексте «Записок о Южной Руси» (1856) П.П. Кулиша фигурируют «северный» и «юж-

¹³³ Павловский И. География Российской империи. Ч. 1. С. 191–193.

¹³⁴ Словарь языка А.С. Пушкина. В 4-х т. / Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. М., 2000. Т. 1. С. 225; Ковалев Г.Ф. Этнонимикон А.С. Пушкина // Ковалев Г.Ф. Этнос и имя. Воронеж, 2003. С. 77, 83.

¹³⁵ Кавелин К.Д. Мысли и заметки о русской истории.

ный» русские народы¹³⁶. В трудах и лекциях В.О. Ключевского 1870-х — 1890-х гг. указывались различия в характерах двух групп или в их этнокультурной специфике («народностями»), ориентированные по частям света¹³⁷, — и в этом случае вновь актуализировались наименования с определениями «южный» («юго-западный») и «северный» («северо-восточный»). Историк С.М. Соловьеву на начальном этапе создания «Истории России» тоже были присущи подобные представления. В начале первого тома (1851) он указывал на важное различие в характере «южного и северного народонаселения Руси», вызванное природой страны¹³⁸.

«Племена русские» и их территориальные ареалы в классификациях первой трети XIX в.

Появившиеся в XVII в. «книжные» топонимы «Малая, Великая и Белая Русь» начиная с XVIII столетия рассматривались в новом качестве — как этнотерриториальные ареалы. С развитием этнографии они переосмыслились как историческое и этнографическое пространства великорусов, малорусов и белорусов. Поэтому области великорусских, малорусских (юго-западных) и белорусских (северо-западных или западных) губерний представляли собой не просто административные единицы пространства Империи; их границы очерчивали пределы обитания русского народа, государствообразующего этноса и русскости. Задачи такого масштаба стояли перед всеми европейскими нациями, но «российские трудности были более основательными: большая часть “священной” земли Русской состояла из окраин»¹³⁹.

¹³⁶ Кулиш П.П. Записки о Южной Руси. В 2-х т. СПб., 1856.

¹³⁷ Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть первая. Лекция XVII. С. 310–313.

¹³⁸ Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Соч. В 18-ти кн. Кн. I. Т. 1. С. 73.

¹³⁹ Слѣзкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология. М., 2005. С. 147.

В сочинениях первой четверти XIX в., описывающих славянское население Империи, упоминания восточнославянских этнонимов по отдельности чрезвычайно редки. Это обусловлено тем, что географы и народоописатели того времени опирались на стандарты репрезентации предшествовавшего века. Уже говорилось о постоянном воспроизведении в словарях и «Описаниях» точки зрения Татищева и целых фрагментов его сочинений, вошедших в крупнейшие издания первых десятилетий XIX в. Это в полной мере касается и «списков» народов — то есть этнического состава подданных Российской империи. В них продолжала воспроизводиться классификация, где славяне были представлены россиянами (россиане), а с разделами Речи Посполитой — еще и поляками. Так, в «Землеописании» (1807) Е.Ф. Зябловского в перечне «поколений» (наиболее крупных племенных групп, а не этносов) Российской империи, выделяемых по антропологическому («сходство лиц» — в издании 1807 г. и «сродство лиц, нравов и обычаев» — в издании 1810 г.¹⁴⁰) и языковому («сродство языка») критерию указано два славянских племени: россияне и поляки¹⁴¹, то есть под «россиянами» подразумеваются все три восточнославянские «ветви», которые, однако, в этом тексте порознь не упомянуты. В обновленном и более подробном многотомном издании 1810 г. в список славянских народов попадают, помимо «россиан», еще и казаки, различающиеся по регионам заселения¹⁴². Россиянами именуется эта группа и в географической игре для детей (1824) И.Г. Гурьянова¹⁴³.

¹⁴⁰ Зябловский Е.Ф. Землеописание Российской империи для всех состояний. В 6-ти ч. СПб., 1810. Ч. 1. С. 4.

¹⁴¹ Зябловский Е.Ф. Новейшее землеописание Российской империи. В 2-х т. СПб., 1807. Т. 1. С. 91.

¹⁴² Зябловский Е.Ф. Землеописание Российской империи. С. 5.

¹⁴³ Новейшая географико-историческая игра, или первый курс географии и истории для детей обоюго пола. От 7 до 13 лет, заключающий в себе описание всех пяти частей света, с политическим разделением оных на государства (по Венскому конгрессу), с разделением последних по областям, и с изъяснением как положения государств, так и знатнейших гор, рек, заливов, городов столичных и так чем-либо примечательных, а вместе с сим приобщается краткая история каждого государства, древ-

Одним из первых исследователей, зафиксировавших область дефиниций терминов и бытование в научной литературе, стал Н.И. Надеждин. В работах 1840-х — 1850-х гг., посвященных этногеографической номенклатуре Российской империи, он подробно рассмотрел происхождение понятия «Великая Россия». Надеждин не был оригинален в своих построениях — он следовал за теми отечественными географами конца XVIII в., которые отождествляли Великую Россию с северо-восточными областями Европейской России с Владимирско-Московским центром. Но заслугой Надеждина стали максимально полное освещение всех наиболее важных публикаций и анализ состояния исследований по данному вопросу к концу 1830-х гг. Кроме того, он первым четко разделил историческое, географическое и этнографическое значения термина.

В энциклопедической статье 1837 г. о Великой России Надеждин обозначил «узкое» (ядро) и «широкое» (ареалы) понимание данного региона, наименование которого он считал возможным использовать для обозначения не только историко-географической области России, но и в качестве административно-структурной единицы¹⁴⁴. Надеждин соглашался с предшественниками в том, что термин появился относительно недавно, «не ранее половины XVI в.»¹⁴⁵. Первое упоминание топонима «вся Великия России» он, как и предыдущие исследователи, относит к тексту «Апостола» (1556) и чину венчания на престол царя Федора Иоанновича. Надеждин обращает внимание на то, что, несмотря на упоминание в этих источниках, термин не использовался ни в каких иных письменных актах и документах XVI в. и был заимствован из византийских источников, обозначающих различие между Малой и Великой Русью (Руссией, позже Россией) по аналогии с Малой и

ние имена как оных, так и гор, рек и городов; число жителей, гербы, ордена, царствующие государи и главнейшие достопримечательности как естественные, так и искусственные, а равно и древности, в государствах находящиеся. М., 1824. С. 59.

¹⁴⁴ Н.И. [Надеждин Н.И.] Великая Россия. С. 261–276.

¹⁴⁵ Там же. С. 261.

Великой Грецией как землями метрополии и колонии. Он настаивает на «искусственном», то есть «ученом», происхождении понятия, созданного духовенством, которое вначале не придавало ему значения политонима, а использовало в качестве риторической формулы прославления Российского государства и правителя¹⁴⁶. Надеждин указывает, что наименование «Россия» / «Росия» пришло на смену «Руси» и «Русии» именно по инициативе «книжников» не ранее XVI в. Первое употребление словосочетания «Великая Россия» как политонима («в частном политическом смысле», как определяет Надеждин) связывается с Богданом Хмельницким (донесение гетмана 1654 г. о присяге войска Запорожского на верность Алексею Михайловичу), который использовал его для отличения от Малой Руси / Малой России (так именовалась «юго-западная часть земли русской»).

Определение *Малая Русь* / *Малая Россия* автор статьи соотносит с наименованием земель Галицкого королевства и первое его употребление находит в тексте грамоты Юрия Галицкого 1335 г., считая при этом, что оно использовано для отграничения королевства от другой, территориально преобладающей, — то есть Великой — части русских земель. Поэтому автор особенно подчеркивает, что понятие «Великая Россия» «не имеет ходу в народе, а остается ... книжным»¹⁴⁷. В качестве аргумента Надеждин указывает на традиции словоупотребления: «... до сих пор не говорится и не пишется “Великая Русь”, “великоруссы” и “великорусский”, но “Великая Россия”, “великороссияне”, “великороссийский”»¹⁴⁸.

Границы Великой России Надеждин определял и описательно, видя в ней «важнейшую часть, сердце Российской империи»¹⁴⁹. «Географическое значение» понятия он, как и предшественники, связывал с политической исто-

¹⁴⁶ Н.Н. [Надеждин Н.И.] Великая Россия. С. 262.

¹⁴⁷ Там же. С. 263.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же. С. 261.

рией — с владениями, унаследованными царем Алексеем Михайловичем под именем Московского государства. Однако это не означало, что автор отождествлял Московское государство XVII в. с Великой Россией. Анализируя этапы расширения Великой России в процессе присоединения к ней новых земель, Надеждин последовательно рассмотрел изменения пределов региона в истории. По его мнению, «первая» Великая Россия объединяла земли Московского государства «до междуцарствия» («к западу простираясь до Копорья, Великих Лук и Чернигова, к югу до Путивля, Раздоров и Астрахани. Нарва, Динабург, Витебск, Могилев, Ромен, Полтава, Азов — были соседние зарубежные города»¹⁵⁰). При царе Алексее Михайловиче она включила в себя земли обоих берегов Верхнего Днепра, всю Десну, до Вилии и Южного Буга.

Наиболее серьезное противоречие позиции Надеждина — различие «Великой России» и современных «великороссийских губерний». Совершая этот не совсем корректный с исторической точки зрения перенос, Надеждин описывал его так: «...должно отнести к составу ее кроме Сибири все губернии нынешней Российской империи, расположенные по водам Северной Двины, Волги и Дона, включительно с бассейнами Ильменя, Ладоги и Онеги, которые все действительно называются “великороссийскими”»¹⁵¹. С другой стороны, он указывал, что в состав этих губерний не входят регионы, принадлежавшие пространству Великой России на раннем этапе истории: так, Надеждин исключает Кавказскую область и Земли (Области) Войска Донского. Народ, по его словам, отождествляет территории Великой России с понятием «Россия».

При этом Надеждин замечал, что подобное определение границ Великой России «совершенно произвольно» и далеко не отражает точного исторического и географического наполнения понятия. Он подчеркивал, что географи-

¹⁵⁰ Н.Н. [Надеждин Н.И.] Великая Россия. С. 263.

¹⁵¹ Там же.

ческие границы Великороссии также не подлежат точной фиксации, поскольку отдельные территории располагаются в азиатской части, да и природное разнообразие не дает возможности ограничить пространство Великой России природно-ландшафтными зонами.

Второе определение ученый осуществляет через соотношение с административным делением Российской империи, которое претерпевало изменения. По петровскому «гражданскому разделению» северные области Империи со столицей Санкт-Петербургом и новгородскими землями включались в состав «Великороссийской генерал-губернии» (в то время как Белорусской генерал-губернией — в соответствии с бытовавшими вплоть до середины XVIII в. представлениями о тождественности Белой и Московской Руси — именовались центральные регионы вокруг Москвы и Смоленск)¹⁵². Надеждин считал более корректным ограничить великороссийские губернии границами Московского княжества 1462 г. (то есть до восшествия на престол Ивана III) — такое пространство, по мнению Надеждина, следует определить как *узкий состав* или *центр* великорусской области¹⁵³. В этом смысле можно говорить о *ядре* Великой России, поскольку уже в конце правления Василия III (1533) под его властью объединились земли Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, увеличив государство почти вдвое.

В этом перечне важно отметить соединение двух исторических областей — Северо-Западной (Новгород и Псков) и Северо-Восточной Руси (земли, входившие в состав Владимиро-Суздальского княжества). Наиболее важным критерием включения в Великороссию оставалась политическая значимость данных территорий: там протекали

¹⁵² Татищев В.Н. Руссия, или, как ныне зовут, Россия // Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 116–119. Интересно, что Надеждин выступил автором вводной статьи и комментатором данного текста при его первой в XIX в. публикации (Журнал Министерства внутренних дел. 1839. № 6. С. 331–406).

¹⁵³ Н.Н. [Надеждин Н.И.] Великая Россия. С. 264.

процессы государствообразования и консолидации различных земель на разных исторических этапах. При этом Н.И. Надеждин даже не упоминает о татищевской версии Белой Руси как Северо-Восточной Руси; для него представляется бесспорным тезис о том, что Московская Русь — это и есть Великая Россия. Кроме того, в надеждинском перечне упомянуты более далекие (от исторического центра Северо-Восточной Руси) губернии, представляющие собой концентрическую окружность вокруг исторического ядра-центра. Таких губерний тоже десять: Санкт-Петербургская, Олонецкая, Вологодская, Вятская, Нижегородская, Тамбовская, Воронежская, Курская, Орловская и Смоленская. Критерием выделения «первичного» и «вторичного» кругов является, как видим, историко-политический фактор — этапы вхождения в единый государственный организм новых территорий Европейской России до раннеимперского периода включительно. Таким образом, можно констатировать, что наиболее релевантными для Надеждина стали политико-исторические критерии. Иначе говоря, великороссийские земли находились в центре процессов государствообразования в Европейской России.

Наиболее сложный вопрос — о том, какие губернии Российской империи первой четверти XIX в. представляются «великороссийскими» в точном, административном, смысле, — Надеждин оставил без ответа, поскольку, повторим, не придавал ему значения, считая его «совершенно произвольным»¹⁵⁴. Между тем неразрешенность данного вопроса создает определенные трудности: ведь административное губернское деление в конце XVIII — начале XIX в. постоянно менялось. При Екатерине были созданы (1775–1785) 40 наместничеств (позже переименованных в губернии) и две области¹⁵⁵. Именно тогда выделились единицы разделения имперского пространства, которые затем были соотнесены с номинациями 25 губерний: Московской,

¹⁵⁴ Н.И. [Надеждин Н.И.] Великая Россия. С. 263.

¹⁵⁵ Арсеньев К. Статистические очерки России. СПб., 1848. С. 27–58.

Смоленской, Тверской, Псковской, Новгородской, Калужской, Ярославской, Тульской, Рязанской, Владимирской, Костромской, Орловской, Курской, Нижегородской, Тамбовской, Воронежской, Вологодской, Пензенской, Вятской, Казанской, Симбирской, Астраханской, Саратовской, Олонецкой, Архангельской¹⁵⁶.

Столь значительное количество неточных и описательных определений у Надеждина объясняется, на наш взгляд, тем, что гораздо более важным, нежели географическое, ученый полагал «этнографическое значение» региона — в том смысле, что именно население этой территории сформировало особую разновидность самостоятельной великорусской «отрасли» русского народа, которая, в свою очередь, сыграла главную роль в создании и укреплении царства, а потом Империи — не просто жизнеспособной, но постоянно колонизирующей новые территории и народы. Именно это обстоятельство дало Надеждину основание утверждать, что «Российское государство, Российская империя обросло вокруг одного средоточия, одного основного ядра, где география имеет чисто русскую физиономию, где должна быть коренная русская земля. Ядро это находится в Европейской России»¹⁵⁷. Определяя его «пределы», Надеждин указывает: «Европейская Россия с трех сторон ограничена естественными рубежами: северным океаном, уральским поясом, киргиз-кайсацкими степями, морем Каспийским, хребтом Кавказским и Черным морем ... Но с четвертой, западной, ее отрезывает от остальной Европы черта условная, исключая трехглавой оконечности Балтийского моря...»¹⁵⁸. Как видим, речь идет не о *великороссийском*, а о *русском* ядре, но если можно строить гипотезы о том, какие именно территории Надеждин в него

¹⁵⁶ Подробнее об этапах вхождения разных регионов в Московское, Российское государства, а затем — в Империю: *Арсеньев К.* Статистические очерки России. СПб., 1848. Об «Учреждении о губерниях»: Там же. С. 111–116.

¹⁵⁷ *Надеждин Н.И.* Опыт исторической географии русского мира. Статья первая // Библиотека для чтения. 1837. Т. XXII. Отдел 3. С. 39.

¹⁵⁸ Там же.

включал, то не вызывает сомнений, что Великая Россия (в узком смысле) так или иначе с ним отождествляется. Метафоры «ядро» и «сердцевина» или «корень» и «зерно» оказались весьма устойчивыми и для определения данного ареала и населяющего его «славяно-русского» племени не только в публицистических и философских сочинениях второй половины столетия, но и в многочисленных проектах географо-экономического районирования, разработавшихся во второй половине века¹⁵⁹ (русский историк Л.Е. Горизонтов классифицировал их как «генетические»¹⁶⁰). Принцип выделения двух окружностей / «кругов» вокруг главного великорусского ядра, обоснованный Надеждиным, также получил развитие¹⁶¹.

Л.Е. Горизонтов полагает бесспорным, что начиная с первой трети XIX в. «внутренняя Россия» мыслилась как часть Великороссии, хотя и подчеркивает, что ее территория трактовалась «весьма расширительно»¹⁶². Он же одним из первых обратил внимание на то, как использовались и объяснялись эти категории в художественной литературе и публицистике. Здесь уместно вслед за Горизонтовым обратиться к тексту травелога (1834) В.В. Пассека¹⁶³, вышедшего чуть раньше программной статьи Надеждина, и рассмотреть его детальнее. Прибегая к метафорам «крово-

¹⁵⁹ Россия. Экономический отдел. Деление России на районы по естественным и экономическим признакам // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. В 82-х т. (86 п/т) / Под ред. Е.И. Андреевского. СПб., 1890–1907. Т. XXVIII (п/т 56). СПб., 1899. С. 227–230; Никитин Н.П. Исторический обзор развития отечественной экономической географии // Отечественные экономико-географы XVIII–XX вв. М., 1957. С. 5–9.

¹⁶⁰ Горизонтов Л.Е. Внутренняя Россия на ментальных картах имперского пространства // Культура и пространство. Славянский мир. М., 2004. С. 206.

¹⁶¹ Н.Я. Данилевский, размышляя о направлениях и формах колонизации русскими окраин Империи, указывал, что эти потоки «образуют не новые центры русской жизни, а только расширяют единый, нераздельный круг ее» (Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. 5-е изд. СПб., 1895. С. 532).

¹⁶² Горизонтов Л.Е. Внутренняя Россия. С. 202–203.

¹⁶³ [Пассек В.В.] Мечтанья // [Пассек В.В.] Путевые записки Вадима. М., 1834.

обращение» и «сердце» государства, Пассек выделяет три центра («узла», «средоточия»), каждый из которых «заклучался в определенной местности и характеристике известного племени и разливал на всю жизнь целого государства свой отличительный свет и свои оттенки!»¹⁶⁴. Первый «узел народности» Пассек помещал в Новгороде, который отличался от соседних славянских племен политическим устройством, домашним бытом и «наречием языка». Пассек рассматривает ранние пределы Новгородской земли в границах Двинской и Печорской областей и добавляет в широкий ареал также современные, тяготеющие, на его взгляд, к Новгородскому центру, губернии, некогда бывшие колониями Новгорода: Санкт-Петербургскую, Вологодскую, Олонецкую, Архангельскую, Пермскую, Вятскую¹⁶⁵. Славянское население данных регионов именуется у Пассека жителями «Новгородского севера».

Вторым — по хронологии — центром «политической деятельности и народности» является Киев с «окружностью», включающей Северскую область, часть Подолии, Волынь и «нынешнюю Украину». Этот «узел» соотносится с «местообитанием» русских «южных племен»¹⁶⁶, актуализируя оппозицию север / юг.

В третий — «московский» — узел «все занесено с юга, и все преобразовалось дыханием народности в мысль о смерти уделизма, о началах единой державия»¹⁶⁷. К этому узлу В.В. Пассек относит 10 губерний: Московскую, Владимирскую, Тверскую, Костромскую, Ярославскую, Рязанскую, Тульскую, Калужскую, Орловскую и «даже Курскую»¹⁶⁸.

Остальные области «не сделались узлом», они располагаются на окружности. Эти пограничные с узловыми земли таковы: Нижегородская, Казанская и все ниже-

¹⁶⁴ [Пассек В.В.] Мечтанья // [Пассек В.В.] Путевые записки Вадима. М., 1834. С. 168.

¹⁶⁵ Там же. С. 168–169.

¹⁶⁶ Там же. С. 170.

¹⁶⁷ Там же. С. 170–171.

¹⁶⁸ Там же. С. 171–172.

волжские («низовые»), Крым, Остзейские губернии — в Европейской части России, а также Сибирь, Кавказ и губернии, присоединенные от Польши и Швеции. Эти «страны» Пассек предлагает исследовать этнографически, по племенам (финскому, татарскому и германскому). Далее он подробно рассматривает каждую из трех «окружностей», обнаруживая в них «узлы» — то есть историко-политические центры другого уровня, а в них — свои «средоточия»¹⁶⁹.

Впрочем, большинство авторов никак не комментировали этнографический или языковой принципы в качестве критерия причисления региона / губернии к великороссийскому пространству. В «Карманной книге географии» (1835), являвшейся переводом немецкого издания, все пространство Империи распределено лишь на восемь групп, выделяющихся главным образом (за исключением двух региональных) по этническому признаку: великороссийские, новороссийские, малороссийские, белорусские, польские, литовские, остзейские или немецкие и сибирские. Велико-российские губернии — самые многочисленные, это к ним относят 28 губерний: все центральные, северные и волжские. Полный их перечень: обе столичные, Смоленская, Псковская, Новгородская, Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Владимирская, Тверская, Калужская, Рязанская, Вятская, Пермская, Оренбургская, Казанская, Симбирская, Саратовская, Астраханская, Пензенская, Тамбовская, Воронежская, Курская, Орловская и Тульская¹⁷⁰. В статистическом очерке России (1837) Н.И. Иванова при участии Ф.В. Булгарина состав великороссийских губерний столь же широк, их насчитывается 27, так как Санкт-Петербургская губерния в перечень не входит¹⁷¹.

¹⁶⁹ [Пассек В.В.] Мечтанья // [Пассек В.В.] Путевые записки Вадима. М., 1834. С. 172–173.

¹⁷⁰ Россия // Карманная книга географии. С 21 раскрашенной ланкартой / Пер. с нем. докт. фил. Пастор Зедегольм. М., 1835. С. 216–223.

¹⁷¹ Иванов Н.И., Булгарин Ф.В. Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях. Ч. 1. С. 46–47.

В конце 1840-х гг. формируется новая тенденция — наблюдается стремление напрямую связать пространство Великой России с великороссийскими губерниями. В учебнике отечественной географии (1843) И. Павловский помещает подробное объяснение данного топонима. Он именуется «средоточием» Великой России Москву, относя сам термин к середине XVI в., к титулатуре Ивана Грозного, и подчеркивает его топонимический, а не политический характер («вместо “Русь” ... стали писать “Русія” и “Россия”») ¹⁷². Название «Великая Россия» в политическом смысле, по мнению Павловского, утвердилось лишь с момента присоединения «юго-западной части земель русских или Малороссии», а потом и «Западной Руси или Белороссии» к Российской державе в середине XVII в., для отграничения «восточной части России или великороссийского государства» от западной (Малороссии и Белороссии) и «таким образом утвердилось в политическом смысле, причем, не обозначая точных границ Великой России, оно и поныне употребляется официально»; однако жителей великороссийских губерний автор именуется «большей частью русскими» ¹⁷³.

К первой четверти XIX столетия обозначились три тенденции объяснения происхождения и ареала топонима «Великая Русь» / «Великая Россия», границы которых стремились определить в первую очередь через этнополитические категории, установив соотношение с геополитическими единицами или областями, сложившимися в истории до и сразу после образования государства Рюрика. Одна тенденция отождествляла Великую Русь с Новгородской, подчеркивая таким образом лишь опосредованное наследование Российской империей политических тради-

¹⁷² Павловский И. География Российской империи. Ч. 2. С. 7. Аналогичная эволюция политонима: Русь (с 862 г.), Русия (с 1578 г.), Россия (с 1606 г.), Россия (с 1634 г.), Россия (с 1725 г.) — представлена в: Материалы из русской истории, статистики и географии. М., 1846. С. 3. Наименование «Великая Русь» связывается также с именем Ивана Грозного, стремившегося отличать эти территории «от Южной Руссии, которая с 1383 или 1478 г. называется Малороссиею» (Там же. С. 4).

¹⁷³ Там же.

ций Великой Руси, поскольку Владимиро-Суздальская / Московская Русь соотносилась с Белой Русью. Вторая значительно удревняла данное наименование, населяя земли Руси финскими племенами, смешавшимися с мигрировавшими славянами еще до создания первой государственности. Наконец, были авторы, которых гораздо более занимали проблема племенного родства и главный для определения происхождения вопрос — о языке (именно этот критерий этнической идентификации доминировал в ту эпоху). В данном контексте — с точки зрения эволюции представлений о Великой России / Великороссии, великороссийском / великорусском наречии и великорусе как «отрасли» триединого народа русского — наиболее важными видятся следующие конкурирующие гипотезы: о раннем племенном смешении финно-угорских и славянских племен («россо-славяне» или «словено-россы»), с одной стороны, и о безусловном славянском преобладании в крови и языке «россиян» — с другой. В характеристике нрава / характера жителей России не наблюдается никаких региональных различий — напротив, подчеркивается их «одинакость» в языке и общественных проявлениях (варьирующаяся только по сословиям). Те свойства, которые им приписываются, соотносятся в некоторой мере с описаниями качеств северных и отчасти славянских народов.

* * *

Таким образом, можно утверждать, что в народоописательной и географическо-статистической литературе 1820-х — 1840-х гг. в качестве нормативного этнонима выступало восходившее к словоупотреблению XVIII в. наименование *великороссиянин / великороссияне*, противопоставленное паре *малороссиянин / малороссияне*¹⁷⁴. Наименование «русский народ» в 1820-х — 1840-х гг. часто применялось в двух значениях. С одной стороны, оно определяло русских как подданных русского государя и

¹⁷⁴ Подробнее аргументация приведена в: *Лескинен М.В.* «Южноруссы», «малороссияне», «малоруссы», «украинцы».

относилось к трем восточнославянским племенам в совокупности; с другой — употреблялось в контексте этнографо-исторических описаний русского быта и образа жизни допетровского времени (главным образом XVI–XVII вв.), то есть для обозначения донациональной русскости Российского царства. В этом втором смысле прилагательное «русский» оказывалось тождественно определению «великорусский» — когда авторам необходимо было подчеркнуть этнокультурную специфику культуры в землях великорусского этапа государственности.

Начиная с 1850-х — 1860-х гг. словоупотребление подвергалось трансформации; безусловно доминирующим этнонимом становится *великоросс / великорус* — так же, как *малороссиянина* сменяет *малоросс / малорус* (в XIX в. все подобные наименования писались с двумя «с»). Характерна, например, в текстах Н.И. Надеждина замена лексемы *малороссийский* на *малорусский* через 10 лет после его статьи «Великая Россия»: в наименованиях языка Надеждин употребляет прилагательное «великороссийский», однако здесь же, в рассуждениях о языках и наречиях, использует определения «малорусский» и «белорусский»¹⁷⁵. Впрочем, в той же работе встречаем видоизмененную пару понятий: *великороссияне / малороссы*¹⁷⁶.

Следует еще раз подчеркнуть, что после Надеждина ни один исследователь не высказал сомнения в «книжности» и в этом смысле «искусственности» (то есть сконструированности) рассмотренных лингвонимов топонимического происхождения от понятий *Великая* или *Малая Русь / Россия*. Как в хрестоматийной статье (1892) Д.Н. Анучина в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона¹⁷⁷, так и в работах А.И. Соболевского начала XX в. подчеркивалось, что употребительное взаимное наименование великорусами и малорусами друг друга — «хохль» и «кацапъ» / «москали».

¹⁷⁵ Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской. С. 70.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Великоруссы // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. СПб., 1892. Т. Va (п/т. 10).

Между тем в обыденной речи чаще всего (как указывалось в научной литературе) использовалось все же название «русский». А.И. Соболевский писал: «Русский народ нигде не называет себя великорусами, малоруссами или белорусами; эти этнографические названия принадлежат науке и употребляются только образованными людьми»¹⁷⁸. В этом смысле совершенно понятно, почему в «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля в ряду понятий с корнем «велик-» отсутствуют наименования *великоросс* / *великорус* и производные от них (один из зарубежных исследователей, реконструировавший содержание определенных *российский* / *русский* / *великорусский* в языке XIX в., квалифицировал данный факт как «curious»¹⁷⁹). В лексику живой русской / великорусской *речи* эти понятия так и не были введены ни в качестве эндонимов, ни в ином значении, продолжая функционировать и видоизменяться в нормативных текстах / литературном языке — то есть в иных дискурсах.

---

¹⁷⁸ Соболевский А.И. Русский народ как этнографическое целое. Харьков, 1907. С. 11.

¹⁷⁹ Kamusella T. The change of the name of the Russian Language in Russia from *Rossiiski* to *Russkii* // Acta Slavica Iaponica. 2012. Vol. XXXII. P. 83.